

Несколько хороших рассказовъ

Настя Оноприенко

Часть I

Рассказы

И. А. Бунин

В июне 1945 года в Булонском лесу прогуливался старый человек. Он шел медленно, погруженный в свои мысли, часто останавливаясь для передышки. Молодые парочки, поглощенные собой, казалось, не замечали его. А вот его старческие глаза, видевшие и революцию, и войну, подмечали каждую деталь. В глубине души он завидовал им, свежести их чувств, их легкости, их мечтам. Несмотря на то, что со дня освобождения Парижа не прошло и года, и многое, из того, что было в старом Париже безвозвратно уничтожено войной, в город возвращалась атмосфера легкости и праздности. Париж снова становился городом любви, для которой он был слишком стар. Да, Париж уже не для него. Этот город для тех, кто еще верит в любовь. А он давно еще потерял всякую надежду найти того, с кем не будет так одинок. Что ему делать в городе молодых? Он семидесятипятилетний старик. Ему положено уже лежать в земле, а не мечтать о любви. Всего было в его жизни много, но только не любви. Если бы вернуться в прошлое и всё исправить! Но это невозможно. А впрочем, что же он собрался исправлять? Нет, таким как он положено лежать в постели у себя дома, и предаваться воспоминаниям. Но где его дом? Дом находится за гранью настоящего. Но, может, сейчас как раз время для исправления ошибок. Пора, когда блудный сын возвращается домой. Может, стоит забыть обиды, и теперь когда ему уже не страшна советская власть, посмотреть во что превратилась Россия. Ах, как бы ему хотелось объездить всю страну! К сожалению, Россия слишком большая, на всю у него не хватит сил. Но если была бы возможность вернуться, какое место он бы навестил первым. . .

Улица Большая Дворянская 1, сейчас правда называется проспектом революции. Фу, дурацкое название. И зачем большевикам понадобилось переименовывать улицы? Улица Большая Дворянская, понятно, что на ней живут дворяне, а теперь проспект революции! Неужто революция по нему шагала? Нет, революция шагала по переходам дворцов, кралась по их коридорам, обитым зеленым шелком. А дом все же был хорошим. Его в 1865 году купила бывшая губернская секретарша и начала сдавать часть комнат, там мы и жили, недолго, конечно. Потом семья переехала в Орловскую область,

в имение Озёрки. Он вспомнил тот день, когда впервые расстался с домом надолго. Он, одиннадцатилетний щуплый юноша, поступил в Елецкую уездную гимназию. Эта мысль тогда доставляла радость. Но по прошествии четырех лет его мнение кардинально изменилось. Вспомнил и те памятные зимние каникулы, когда так и не смог доказать родителям, что он уже вполне взрослая и сформировавшаяся личность, отказавшись возвращаться в гимназию. Вспомнил и удивление, написанное на их лицах. Тогда же он отдалился от них, потому, что они не приняли его всерьёз и после зимних каникул он вернулся в гимназию. Но через год Юлий взял над ним опеку, и можно было забыть об учителях и распорядке дня. Тем более, учась дома, он узнавал гораздо больше. А через год дебют в печати, а ему всего семнадцать, но фурора он не произвел. Дальше были два тихих года. Но вот в девятнадцать он переезжает в Орёл, идёт работать в местную газету. А потом была Варенька. Варвара Пашенко, сотрудница этой газеты. Ах, как были возмущены, удивлены и оскорблены в своих лучших чувствах его родные. Странно лишь то, что этот поступок они все же заметили. Чтобы как-то избавиться от их назойливости пришлось в 189, да, именно в этом году, с Варенькой переехать в Полтаву. Варя была одним из его первых и продолжительных романов. Сейчас это называют омерзительным словом связь. Но она быстро забылась. Да и как могла не померкнуть какая-то Варенька перед Анной. Анной Цакни, дочерью революционера-народника, богатого одесского грека Николая Петровича Цакни. Но она, как и всякий ребенок богатых родителей, была непозволительно красива и избалована. Знаете, говорят, что дети рождаются от большой любви. Значит мы с ней не любили друг друга, учитывая, что единственный ребенок, которого она мне подарила умер в пятилетнем возрасте. Да и *qui se marie par amour a bonne nuits et mauvais jours*¹. Но не могу сказать, чтобы после развода я сильно горевал. Меня спасла Вера. Вера Муромцева, её знаменитый дядя был председателем Государственной Думы Российской империи первого созыва. Потом что-то сподвигло меня начать путешествовать, но ездил я недолго, всего два года, зато посетил сразу три страны: Палестину, Сирию и Египет. В 1909 году мне снова дали Пушкинскую премию, а после избрали почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук. Многие критики стали говорить, что я непозволительно загордился и стал относиться к молодежи с недостойным высокомерием, но я за собой такого не наблюдал. . .

А затем наступила эта революция. Вы только представьте: была Россия, был великий, ломившийся от скарба дом, населенный могучим семейством, созданный трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой.

¹ Кто женится по любви, тот имеет хорошие ночи и скверные дни (*фр.*).

Что же с ним сделали? А появился выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет? Низменной, лживей, злей и деспотичней этой деятельности еще не было в человеческой истории даже в самые подлые и кровавые времена. Я до последнего тянул с отъездом из России. Но в 1920 покинуть дом все же пришлось. Большевики подходили к Одессе. Я, как и многие мои соотечественники, переехал во Францию. С тех пор постоянно меняю жилье. Не могу по долгу оставаться на одном месте. В 1933 году меня сделали лауреатом Нобелевской премии, дали 120 тысяч франков. Я нуждался в них, но были те, кто нуждался сильнее меня. В 1939 додумался снять виллу «Жаннет» В Грасе. Жена была со мной. Знаете, никогда не был сторонником *L'eau gate le vin comme la charette le chemin et la femme l'ame*². Она помогала мне прятать трёх евреев. Есть поступки, которыми большего всего гордишься в жизни. Так я горжусь тем, что не продался фашистам, не стал сотрудничать с ними. Не понимаю, как могли Гиппиус, Мережковский поддаться им. Как можно так ненавидеть родную страну. . .

Но что-то я о грустном. Это уже в прошлом, хотя было совсем недавно. А как все-таки хочется поехать, посмотреть, побывать в знакомых местах, но. . . Поздно, поздно. . . Я уже стар, и друзей никого в живых не осталось. Из близких друзей остался один Телешов, да и тот, боюсь, как бы не помер, пока приеду. Боюсь почувствовать себя в пустоте. Франция стала для меня второй родиной. Я привязался к Франции, очень привык, и мне было бы трудно от нее отвыкать. А брать паспорт и не ехать, оставаться здесь с советским паспортом — зачем же брать паспорт, если не ехать? Раз я не еду, буду жить, как жил, дело ведь не в моих документах, а в моих чувствах. . .

²Вода портит вино так же, как повозка дорогу, и как женщина душу(*фр.*).

Чистый четверг

Весна в этом году была ранняя. Как-то слишком быстро и незаметно растаял весь снег в парке. И к началу марта можно было уже спокойно ходить в тонкой куртке, без сменной обуви и шапки в школу. Все мои надежды на то, что как и в том году на тридцать первое марта пойдет снег, и серые унылые улицы нашего провинциального городка сказочно преобразятся, как в начале осени, пошли прахом. Снег и не думал выпадать. Более того, погода стояла преотличная: все дни светило солнце, раздавая нам хорошее настроение, потерянное еще зимой под горой домашнего задания, дул легкий приятный ветерок, — так что парк был забит модницами, мечтавшими выложить в инстаграмм фото своих красиво развевающихся волос. Улыбка то и дело появлялась на моем лице, превращая в меня в довольного кота. Столь раннее потепление объясняли ранней Пасхой, руководствуясь простой фразой: «На Пасху всегда тепло!». Незаметно для меня пробежал март, каникулы, первая неделя апреля. Приближалось шестнадцатое апреля — светлый праздник для всех христиан. Однако я не верующая, а все потому что верить в Бога стало не модно в наши дни, особенно среди молодежи, то есть студентов и школьников, представителем которых я и являюсь. Одни поясняют свою позицию количеством инцестов в Библии и называют христианство непоследовательным. Другие считают, что Сатана такой обаяшка, что лучше в него верить. Третьи хотят насолить родителям. Четвертые не знают просто-напросто ни одной молитвы. Ну а пятые, как я, пытаются найти свою дорогу и понять, а нужен ли им Бог. Но перед грозными и верующими родителями мы носим крестики и посещаем церкви, хотя бы по праздникам. Таким образом, Пасха — просто старая, красивая и очень вкусная традиция. Она привносит в весну ожидание чуда.

В тот вечер мы возвращались поздно вечером домой из фитнес-центра. Мама была довольная и что-то весело намурлыкивала под нос. Я стояла рядом с ней в ожидании троллейбуса с головой в телефоне. К слову, за неделю до Пасхи погода ужасно испортилась. Пришлось доставать теплую куртку и надевать берет, потому что ветер дул промозглый и по утрам накрапывал дождик. Через несколько минут подъехал троллейбус, так как на часах, на-

верное, было уже около девяти, то народу зашло мало, а следовательно было полно свободных мест. Мы сели в конце, спиной к водителю. Мама уставилась в окно, а я достала наушники и включила нечто мелодичное и бессмысленное. Вскоре мы подъехали к остановке, расположенной рядом с храмом. Что мне по-настоящему нравится в христианстве, так это храмы. Они яркие, все в украшениях, с куполами—луковицами и так похожи на детскую игрушку. Это храм не был исключением. Несмотря на то, что ночь пришла еще в половине девятого, можно было понять, что при свете дня храм голубой и резными окнами и уютным двориком, скрытым железной витиеватой оградой. А на остановке вошли они. Группа мужчин и женщин, верующих. Мамина голова упала мне на плечо, капюшон скрыл ее лицо. Я решила дать ей поспать, все равно ехать еще долго. В наушниках сменилась песня. Rammstein. Интересно, те люди, что стояли на задней площадке, приняли бы меня за сатанистку за то, что я слушаю? Мне было скучно, поэтому я решила приглядеться к верующим.

Молодых среди них не было. Самому младшему по виду около пятидесяти. У женщин головы покрыты платками. Они не разговаривали между собой, зато у каждого в руках была довольно большая и скорей всего тяжелая лампадка, со свечой внутри. Одна старушка присела на свободное место и зачем-то выставила руку с лампадкой вперед. У старушки было очень приятное лицо, морщины (а их было очень и очень много) не старили его, а наоборот располагали к себе, придавая лицу доброту и мудрость. Лампадка же была стара, наверное, сделана и куплена была еще до войны. Она была крупнее остальных и насыщенного черного цвета. Но старость в ней проглядывала местами облупившейся и отошедшей краской, а также неким налетом. Свойственным всем старым вещам. Но сильнее всего выдавал ее запах. Как только группа верующих зашла в троллейбус, ладан почувствовали все. Но так как старушка сидела ближе всего к нам, то к запаху из ее лампы примешивался еще один, явственно различимый на фоне всех остальных. Не могу описать его сейчас, но так пахнут старые книги, что покрываются плесенью на чердаках, носки забытые под кроватью на даче. У этого запаха кислый и резкий привкус, но иногда он добавляет особую ноту и определенный шарм.

Мы вышли на остановку раньше, так как хотели прогуляться и подышать свежим воздухом. Недавно прошел дождь. Свежесть приятно ощущалась в носу. Фонари освещали последождевые лужи. Днем дувший сильно, к вечеру ветер утих, и теперь только изредка напоминал о себе, играясь с всё ещё голыми ветвями деревьев. Мы медленно продвигались вперед, молча, не хотели портить красоту момента, совершенно ненужными словами. Я сняла наушники и слушала ночные улицы. Изредка проезжали машины, оставляя за собой гудение двигателей. А впереди нас еле передвигая ноги шла старушка из троллейбуса. Я вряд ли поняла бы, что это она, но запах ее лампадки был незабываем. Вы только представьте ту смесь, что ловили наши носы. Там бы-

ли старость и ладан, свежесть и молодость, сырость и холод. Не знаю откуда, но в тот миг появилось волшебное ощущение чистоты и покоя. Мы повернули за угол.

— Дочь, а знаешь, сегодня праздник... Да, чистый четверг — вдруг, наклонившись ко мне, шёпотом сказала мама.

Я промывала, чтобы показать, что услышала, но не хочу отвечать. Теперь стало ясно, почему эти люди в троллейбусе держали в руках лампадки со свечами.

Мы медленно шли ещё где-то минуту. Я втягивала холодный воздух и старалась запомнить этот момент как можно отчетливей. Черноту неба, тусклый свет фонаря, волосы, прилипшие к губам, мамину куртку в полушаге от меня. Но маме, видимо, хотелось поговорить.

— Я знаю эту старушку. Её сын лечится у меня. Она хорошая бабушка. Добрая. Ей не повезло с сыном. Он пьяница. Сначала он долго пил, его пару раз откачивали. Он не любит мать или не уважает. Бессовестный человек...

Тут поток слов прервался. Я пнула ногой камешек, лежащий на дороге, а мама перевела дух, чтобы продолжить.

— А потом инсульт. Теперь он может ходить только по дому, держась за стеночку рукой. Он так ругается на мать, а она сама еле ходит. Он с ней обращается, как со слугой. Они живут в маленькой хибаре далеко от центра, аж на Лысой Горе. А старушка очень хорошая. Не повезло ей просто. Вот думала, сын хоть на старости лет опорой и поддержкой будет, но не вышло. Мне всегда так тяжело с ней разговаривать, словно я в чем-то виновата перед ней... А сына ее вылечить уже нельзя. Такое не лечится...

Мы продолжали идти. Я поправила беретку, сползшую на лоб. Я не знала, как реагировать на это. Я ничем не могла помочь. Да и вряд ли кто мог бы. Старушка уже свернула в сторону Лысой Горы. Но ее фигура, упрямо идущая вперед, с тяжелой лампадкой в руке, огонек, что освещал ее силуэт, все еще стояли передо мной. Я видела её, с трудом передвигающую ноги, но все равно идущую пешком домой, где ей не рады. Я удивлялась, где ещё в ней держится жизнь? И как она не побоялась одна в ночь идти в церковь? Лысая Гора совершенно неприятный район. Да зачем нужна эта вера, чтобы ради нее пускаться в такой путь? Но ей она нужна. Старушка Верит. Для нее, я уверена, это не просто красивая традиция. . .

Голос Родины

Когда на земле рождается человек, он получает от природы или от Бога, не знаю от кого точно, дар, чудесный дар, называющийся родиной. Родина — это место, куда он всегда сможет вернуться, чтобы ни случилось, и где его всегда будут ждать. Но, как и всякий дар, родина имеет свои особенности, которые нужно принять и понять. Можно сказать, что мы родину не выбираем, потому что это она выбирает нас. Но случается, что между человеком и родиной возникают непонимания, из-за которых люди уходят из дому и скитаются потом по свету одинокие, так и не нашедшие своего места в мире.

Большая капля упала на стекло и плавно потекла вниз, но не по прямой, что было бы более логичным, а сделав странный крюк. И все равно попала в то место, где оказалась бы, если бы текла по прямой. Так может в этом и кроется странная загадка жизни? Какие бы мы вихры не совершали, что бы ни вытворяли, мы все равно будем там, где нам уготовано судьбой. Как эта капля. Дэн поднял руку и протер запотевшее стекло. Он улыбнулся капле, которая завершив свой путь, слилась с другой каплей и теперь они вместе приближались к оконной раме, но теперь уже вместе. Потому, что если его догадка правильна, то еще не все потеряно, и рано или поздно он найдет свое место в мире. То самое место, которое ему уготовила судьба. А долго ли он бегал от судьбы?

Все началось еще в раннем детстве, когда он еще не был Дэном. Эту фразу он впервые услышал от отца, и если бы так ничему и не научился за эти годы, то винил бы его в своей несостоявшейся жизни. *«Человек всегда связан с тем местом, в котором родился.»* Эта связь, столь незаметная на первый взгляд, на самом деле соединила человека и его родину так сильно, что подчас не понять, где есть человек, а где его родина. Разные вариации этой фразы Дэн, бывший в то время просто Денисом, слышал потом на протяжении всей своей жизни. Она словно преследовала его постоянно, не давала покоя ни в школе, ни дома, ни на встречах с друзьями, заставляя каждый раз сомневаться в себе

и задумываться, я ли это говорю или во мне звучит моя родина. Денис искал следы этой связи в каждом человеке, с которым начинал близко общаться. И именно, она стала решающим фактором в его побеге из дома. Денис хотел понять, где он, а где родина, и сколько в нем его самого. Поэтому решил, что лучший выход — это побыть вдали от родины некоторое время, примерно года два. Тогда Денис считал, что два года, проведенные в другой стране, вдали от всего привычного, помогут ему найти себя, но он не понимал, что на поиски своего я, некоторые люди могут потратить всю жизнь, но так и не найти ответ, а другие с самого детства знают, кто они и каково их место в мире.

Тогда, в семнадцать лет, когда ты видишь только одну цель, когда твои суждения категоричны и когда ты уверен, что мир только и ждёт твоих действий, словом в то время, когда человек слеп сильнее всего, Денис сбежал из дома и стал Дэном. Он только закончил школу и, как и все, подавал документы на поступление в Вуз. Нет, мысль о побеге не была спонтанной, как и сам его побег. Свои планы он тщательно обдумывал на протяжении пяти лет, а к побегу готовился целый год, предварительно подсчитав все расходы, проблемы с визами, границами и многим другим. В интернете он познакомился с людьми, готовыми предоставить ему кров на первое время. В его планы входило объездить всю Европу за два года, не задерживаясь ни в одном месте более чем на месяц. Одного он не учел: страданий близких, и целого года вранья родителям в глаза, хотя врать Денис никогда не любил. И в то время, когда родители были уверены, что их сын готовится к вступительным экзаменам, он взял деньги, которые копил в течении пяти лет, вещи, которые могут понадобиться в первое время, сел на поезд и больше дома не появился.

Денис не боялся ни языкового барьера, он с детства учил два иностранных языка, ни воришек, брать у него было особо нечего, ни полиции, потому что он был просто путешественником. Денис не планировал забрасывать учебу, он нашел себе какую-то заочную школу и много читал. Читал пока ехал в поезде, самолетов он избегал, читал в кафе, на улице, на заправках и автостоянках, ночью и днем, в автобусах — везде и всегда, когда появлялась такая возможность. Первый год прошел очень легко. Он объездил половину Европы, познакомился с разными людьми, улучшил знания языков, не нуждался в деньгах, потому что в том городе, в котором останавливался, всегда находил нетрудную работу. Во второй год было чуть тяжелее. Денис перестал видеть смысл своей поездки. Он начал понимать, что поступил глупо, что стоило подождать и поступить в университет, потом отработать несколько лет, а дальше он был бы хозяином своей жизни. Но нет, молодости не свойственно быть терпеливой. А сейчас отступить — значило бы сдаться, признать свое поражение, поэтому решено было хотя бы одно дело довести до конца. В конце второго года, подъезжая к самой границе, Денис осознал, что дома

он в принципе никому не нужен, что он упустил свое время, бездарно истратил на глупые поиски, потому что так и не приблизился к ответу, и родителям принесет только дополнительное огорчение.

Теперь он думал о родителях. С того дня он не переставая думал о родителях каждый день. А ещё он понял, что это — расплата за пренебрежение родиной, за нежелание принять свой дар и глупые эгоистичные настроения. Денис, вернее уже Дэн, отправил себя в добровольное изгнание. В тот день дождь шел плотной стеной, а Дэн оставил свой зонт в хостеле, и пытался рюкзаком прикрыть голову, но оставил это и позволил каплям свободно падать на его тело. В тот миг все смешалось, предметы потеряли привычные границы, не было понятно, где небо, где земля, железнодорожный вокзал, словно перестал существовать, люди исчезли, исчезли их голоса и шум, производимый ими, остался только звук дождя и ничего больше. Дэн перестал понимать, кто он и что здесь делает, он не мог отделить одну мысль от другой и чувства от мыслей, он перестал осознавать себя — миг, и помешательство прошло. Он снова был Дэном, снова стоял на вокзале, только теперь в его голове поселился странный шум, который с тех пор его не покидал.

Дэн научился жить с шумом в своей голове, смирился с ним, как жители больших городов смиряются с тем, что с приходом ночи, город не засыпает. После этого Дэн продолжил свое путешествие, только уже не заезжал в крупные города и туристические центры, где рисковал наткнуться на соотечественников. Так он и стал жить: автостопом доезжал до очередного маленького городка или деревушки, рядом с которой была автозаправка. Там нанимался эту самую автозаправку, кем угодно, оставался в этом городке на месяц, изучая местных жителей. С годами он научился легко понимать людей, и использовать свое умение себе на пользу. Теперь он спал, где придется, ел, что пошлет Бог, или не ел вообще, отрастил бороду, не смотрел в зеркала, редко менял одежду, зато почти все деньги тратил на книги, которые отсылал друзьям, в надежде, что от него в этой жизни после смерти останется хотя бы маленькая библиотека.

На маленькой автозаправке, около такого же маленького городка в центре Европы он оказался так же, как и на всех своих остальных местах работы. Вообще, он питал странную слабость именно к заправкам, возможно, потому что, заправки — неотъемлемая часть любого путешествия, пускай и быстро забываемая. Жил он здесь же, на заправке, спал на раскладушке, ел чипсы и запивал их минеральной водой или пепси. По правде говоря, он должен был покинуть это место еще пять месяцев назад, но что-то не давало ему этого сделать. Дэн снова протер окно, его взгляд скользнул на календарь. Смешно, восемь лет, именно в этот день он стоял на вокзале и тогда тоже шел дождь. То есть, уже десять лет он не был дома, не слышал родную речь. Десять лет — большой срок. Если тогда было поздно возвращаться с покаянием,

то уж сейчас тем более.

Внезапно Дэн решил, что эту дату стоит отметить. Он быстро собрал свои пожитки, благо за эти годы их накопилось немного, и он разучился привязываться к вещам. К заправке подъехал автомобиль, водитель направлялся в крупный город, располагавшийся неподалеку, и согласился его до туда подбросить. Они ехали два часа, и все это время шел дождь. Это не был ливень, а скорее тот дождь, под который хочется залезть в плед и грустить или включить какую-нибудь грустную музыку, привалиться к автомобильному стеклу и ни о чем не думать. Водитель высадил Дэна около какой-то кафешки. Всю дорогу шум в голове усиливался, и сейчас Дэн был немного дезориентирован. Он, словно сомнамбула, вошел в кафе, сел за дальний столик, не до конца понимая, зачем он это делает. У уставшей официантки попросил чаю и снова устался на стол, будто надеялся, что там найдет ответы. Но стол молчал. Его шероховатая поверхность когда-то была гладкой и блестящей, но сотни посетителей и чашек оставили на нем следы, и теперь он был погружен в себя, не замечая человека, ждущего ответа от него.

А посетители приходили и приходили, чай наливался, ароматный кофе готовился, и уставшая официантка носилась между всем этим, стараясь угодить всем. Она тоже была погружена в себя, и часть ее переживаний отпечаталась у нее на лице. Вдруг у нее зазвонил телефон, и все, кто пришел в кафе, обернулись к ней, а она даже не сразу заметила звонок. Потом смутилась, провела пальцем по сенсорной клавиатуре и быстро что-то начала говорить. Дэн словно очнулся ото сна. Девушка говорила на его родном языке, причем правильно, без акцента. Слышно было, что это её родной язык. Она врала маме, что хорошо устроилась, что спит, сколько положено, питается правильно и соблюдает диету. Дэн присмотрелся к девушке. В ее интонациях было что-то успокаивающее, как у мамы, когда он болел в детстве. Её улыбка была такой же искренней, как у сестры, а волосы были так же убраны в пучок, как у девушки, которую он любил. Весь вечер он просидел в этом кафе и наблюдал за девушкой. Вернее, его глаза следили за её фигурой, легко лавирующей между столиков, а мысли были очень далеко.

Он вспоминал. Вспоминал всё: маленькую квартиру в центре, пробки по утрам в школу, саму школу с её строгими завучами, формой, учителями, тайными прогуливаниями уроков, выговорами родителей; поездки за город, на дачу, в лес. Он вспомнил своё местечко на крыше и то, как ночами уходил туда. Вспомнил, как готовился к экзаменам, вспомнил, как это было важно. Казалось, не было этих десяти лет. Они слились в одно пятно, где не было ничего, ни тьмы, ни света, просто большое серое пятно в его жизни. В этот момент он понял, что шум в его голове прекратился. Теперь там звучал голос. Голос этой девушки, только это не она говорила с ним. Он прекрасно понял, что это голос родины. А это значило только одно: он прощён.

Выходя из кафе, он подошёл к официантке и шепнул ей на ухо: «Спасибо». На улице уже стояла ночь, дождь прекратился. За яркими вывесками не видно было звёзд, но он знал, что они там есть, точно также, как и знал, что дома его ждут. А раз его простили, раз она заговорила с ним, значит он нужен там, значит он возвращается домой.

Голос звучал в его всю ночь, пока он гулял по городу, прощаясь с ним, с этой страницей своей жизни. Денис не понимал, что голос ему говорит, достаточно было и того, что голос просто звучал в его голове. Рассвет Денис встретил на выходе из города.

Труд

Стоял конец ноября. Кое-где уже лежал белыми пятнами первый снег. Жуткий, пробирающий до костей ветер гнал случайных прохожих по домам. Холодное, неуютное время. Иногда холод улиц становится настолько сильным, что люди промерзают внутри, холод поселяется в их сердцах, делая равнодушными, или это только оправдание?

Той осенью им долго не могли включить отопление. Феня сидела в сером пледе на кухне рядом с обогревателем, от которого пахло старостью и прошлым веком, и уныло смотрела в окно. Серые сумерки, в том году сумерки были только серого цвета, сгущались за окном, но Феня все равно успела разглядеть две одинокие снежинки медленно кружащиеся каждая в своем танце. «Может, вместе им было бы теплее?» — кольнула ее мысль. И она стала ждать, когда же снежинки додумаются, что им вместе лучше, но нет, они кружили каждая по-своему и не хотели сближаться. Каждая хотела, чтобы другая сама делала первые шаги навстречу не потому что у них были гордость или потому что их разъединяли обиды прошлых лет. Нет, каждой из них было попросту лень сделать первый шаг, и каждая ждала, что у другой этой лени поубавится. Феня хотела бы встать, как-то подтолкнуть их друг к другу, но... Но... Но...

Тихо в двери прозвучали ключи. Кто-то вошел в квартиру и не снимая с себя ботинок и теплое пальто прошел на кухню. Дима посмотрел на Феню, заснувшую прямо на неудобной кушетке и, только хмыкнув, подошел к окну. Там уже было темно и только на небе светились звёзды. «И как они не устают!» — восхищенно подумал он, продолжая смотреть на небо. Он бы точно уже устал. Он не был таким сильным, как звёзды, и не был бы таким же до конца преданным работе, как их свет, который мы видим. Ведь сами звезды могли уже умереть, а свет их все идёт и идёт. В душе Дима всегда завидовал силе звёзд. Отойдя от окна, он посмотрел на стол, где Феня могла бы оставить для него термос с горячим чаем...

Феня проснулась с утра и поняла, что Дима уже ушел, а она всю ночь проспала на этой ужасной кушетке, и теперь у неё нестерпимо болела спина. Вспыхнула мысль, что Дима мог и отнести её в спальню, но... Она вспомнила

вчерашние снежинки и поняла, на что похожи их с Димой отношения. Они не предпринимают абсолютно никаких действий, потому что незачем перетруждаться. Потому так и холодно в их квартире. Всегда было холодно. Она сколько себя помнила, никогда особо не хотела перетруждаться, утомлять себя. Собственно поэтому она и выбрала Диму: он был такой же. Нет, в самом начале она кое-что предпринимала, но не получив отклика быстро бросила это дело. Хотя в душе знала, что с первого раза ничего не получится и нужно пробовать ещё и ещё. Делать, думать. Искать способ решения. Но зачем? Это потребовало бы её сил. А сейчас сил и так нет. Куда они улетучились, она не представляет. Внезапно ей стало страшно. В этом мире нужно делать, иначе данные тебе силы заберут. А она не хотела делать, никогда не хотела. Ей не нужен такой мир, мир, где её хрупкое стрекозьё существо заставляют действовать. И она с определенной долей хладнокровия приняла решение. Быстро сунув ноги в ботинки, она вышла в осень, забыв закрыть дверь.

Дима вернулся домой, когда уже стемнело, а темнело рано, и учитывая, что добирался он по пробкам, темнота успела прибрать город к своим рукам. В квартире не горел свет, на открытую дверь внимания он не обратил и, не разуваясь, сразу пошел к спальне, решив, что Феня опять спит на кухне. Дня через три он все-таки понял, что жены нет дома, и начал её искать. Родных у Фени не было: мать умерла год назад, и кроме него она, по сути, была больше никому и не нужна. Единственное что он сделал — это обратился в полицию и привлёк добровольцев, а потом заперся у себя в квартире. Многие решили, что это от большого горя, но он не стал их разочаровывать. Ему было все равно. В их семье давно царила пресловутая нелюбовь. Он просто использовал это как повод не ходить на работу и спокойно лежать на диване. Отопление к тому времени уже успели дать. Однажды в квартиру все-таки позвонили. Он представился как Женя. Женя был высоким, слишком худым, постоянно горбился. Куртка была ему широка в плечах и смотрелась несуразно. Голос был осипший, но слишком писклявый для его возраста. Женя был волонтером. И он попросил Диму ехать с ним. В тот день волонтеры осматривали какой-то парк. Дима так ничего и не понял из Жениных объяснений. В прочем ему было всё равно. И только там, в парке, Дима смог понять, какой человек этот Женя. Он был огромным. Он превышал свой рост и свое тело и голос его не казался писклявым, а самым правильным, и куртка не выглядела больше несуразной. Четко раздавал он команды, координировал действия других. Грамотно руководил ими, ни одного лишнего слова, ни одного непрофессионального движения. В его подчинении находилось столько людей, и они уважали его, уважали его слова, его опыт. Дима удивленно смотрел на него и восхищался им. Этот человек был занят делом и в своем деле он был велик. Остальные волонтеры тоже хоть и уступали Жене, но выглядели настоящими великанами по сравнению с Димой. Внезапно он ощутил себя пятилетним

ребенком, слишком маленьким, попавшим на работу к взрослым. На морозе лица этих людей покраснелись, появилось особое выражение — выражение веры в свое дело. И лица их стали прекрасны. Дима сказал, что ему вдруг стало нехорошо, и медленно побрел к Жениной машине. Его провожали такие сочувствующие и такие прекрасные взгляды. Сев в машину, он посмотрел в зеркало заднего вида и отвернулся. До того безобразным было у него лицо...

Дмитрий Иванович вставал не по будильнику, но всегда вовремя. За столько лет жизни в одиночестве, когда он сам себе хозяин, он успевал прекрасно выспаться. На кухне он опять включил телевизор и, запивая бутерброды кофе, любовался ведущей новостей. Она была так воодушевлена и была такой молодой, что он одобрительно улыбался. Потом он посмотрел на кушетку и вспомнил о Фене. На самом деле. Неизвестно так ли все было на самом деле, как помнил это Дмитрий Иванович. Скорее он придумал ту Феню и тот ноябрь, посмотрев еще в мае фильм «Нелюбовь». Кино он любил, потому что для его просмотра не нужно было ничего кроме дивана и времени, а времени у Дмитрия Ивановича было всегда много. Это был фильм Алексея Звягинцева. Обычно он такое не смотрит, но в тот раз почему-то решил. И вряд ли бы он понял, о чем этот фильм, если бы не уход Фени тогда, десять лет назад. А посмотрев «Нелюбовь», он понял одну очень важную вещь. Счастье в отношениях нельзя получить просто так. Даже если вы безумно влюблены, даже если вы дышите только друг другом счастье нужно заработать. И чтобы в паре было обещанное одним счастьем, двоим нужно трудиться. Он понял, что даже в своей семье нужно работать. А с Феней они просто сосуществовали в одной квартире.

На работу Дмитрий Иванович теперь шёл пешком. Это оказалось быстрее, чем пользоваться общественным транспортом. Полчаса спокойного шага — и он был на работе. Был он кем-то вроде менеджера по продажам, и держали его там из жалости, давая заполнять какие-то бумаги время от времени. А в основном он сидел на стуле перед компьютером с девяти до пяти с часовым перерывом на обед. Дмитрий Иванович любил туман и когда он шел на работу туман был его спутником. Он окутывал с ног до головы маленькую фигурку, делая ее совершенно незаметной. Прохожие и так бы не замечали его, спеша по своим делам, волнуясь из-за предстоящего дня, не подозревая, что их ждет завтра. Дмитрий Иванович словно оказывался тогда в другом мире, параллельной вселенной, ведь он точно знал, что ждет его завтра. Его жизнь имела свой ритм, она никогда не менялась, была до омерзения постоянной. И Дмитрий Иванович становился постепенно таким же, как и его жизнь. У него не было цели, не было работы, занятия. И я говорю даже не о работе, которая позволяет нам добывать средства к существованию, а о деле, о том, чтобы его увлекало, о чем бы ему хотелось говорить часами, о том, что вызывало бы блеск в его глазах. Но ничего такого в его жизни не было

никогда.

Придя на работу, он скинул пальто, которое так и не менял с момента ухода Фени. Это было уже очень старое пальто, местами выцветшее, кое-где в катышках, несуразно смотрящееся на его фигуре. Фигура его к тому времени сильно изменилась. Из вполне приятного молодого человека среднего роста с нормальным телосложением в сорок с чем-то лет он превратился в старичка с худыми неприятными руками и маленьким брюшком. Его светлые поредевшие волосы неопрятно покрывали голову. Он постоянно потирал руки, словно муха, что служило вечным раздражителем его начальника. Глаза его были линиялые, как пальто, а черты лица довольно расплывчатые. Никто в офисе не мог точно вспомнить, как он выглядел. Да что там. Они вспоминали о нём, если нужно было заполнить какую-то бумагу. А в остальное время его словно и не существовало в офисе. Иногда он просто смотрел в монитор по пять часов, и несколько раз ему даже не выплачивали зарплату. Но ему было всё равно. И это состояние длилось уже очень давно.

Через две недели в офис перевели нового начальника и он обратил внимание на человека, который по сути мешается, и не приносит особого дохода. Решение пришло быстро, Дмитрий Иванович получил расчёт. Но это никак не могло расстроить Дмитрия Ивановича. Его самого удивляло, что он как-то так сделал, что начал получать пособие по безработице и вполне довольный жизнью он стал жить дома, изредка выходя на улицу за продуктами.

Иногда Дмитрию Ивановичу приходилось ещё выносить мусор. Однажды он увидел человека, уверенно копающегося в мусорном баке. Тот повернулся и посмотрел на Дмитрия Ивановича. Он был, наверное, единственным за многие годы человеком, который увидел Дмитрия Ивановича. Посмотрев на него, он неодобрительно хмыкнул и в этот же миг Дмитрий Иванович перестал для него существовать. Они тоже находились в параллельных мирах, лишь изредка соприкасавшихся. Внешне они были похожи: сутулые, словно под тяжестью нескольких тонн плечи, равнодушный взгляд, ничего не выражающий. Но того человека все же были цели и определялись они его запахом и тем, что он не ел несколько дней. А Дмитрия Ивановича целей никогда не существовало. Он просто плыл по течению жизни, не особо задумываясь над ней.

В тот день в конце октября ему совершенно нечего было делать, и он пошел в единственный городской парк. Там, сидя на скамейке, он наблюдал за детьми и их мамами или бабушками. Вокруг кружились голуби, с каждым годом становившиеся все нахальнее и нахальнее. Они плотной толпой обступали всех, у кого оказывалась еда, будь то семечки или хлебные крошки, и шумной толпой отбирали эту еду у человека и друг у друга. Потом при выходе из парка, увидев как кошка присев на все четыре лапы готовит тело к прыжку, перенося свой вес вперед и как в предвкушении еды хищно дер-

гается ее хвост, он понял, что даже с кошкой они живут в абсолютно разных реальностях, а еще понял, что кошка в этот миг была красива. Особенно глаза, сосредоточенные лишь на определенной цели и не видевшие ничто другое. У кошки есть цель — не умереть с голоду и дать жизнь кучке мелких котят. Для этого она каждый раз выполняет работу, проверяя территорию, выпрашивая еду у людей или охотясь на голубей. Оказалось, что у кошки жизнь еще более непредсказуемая, чем у людей.

Следующие дни текли медленно и однообразно, ничем особенно не выделяясь. Но разве это могло потревожить Дмитрия Ивановича. Не знаю, но он уже точно не мог считаться человеком. Потому что Человек, именно настоящий человек, это нечто большее, чем обыватель или Homo Sapiens Sapiens. Потому что внутри настоящего человека должно быть ещё нечто, наличие которого говорит о том, что он человек, а не робот или кукла. Это нечто есть у каждого с рождения. И это может развиваться, может остаться таким же, а может потеряться. Развивать это помогает труд, ведь есть же труд не только физический, но и умственный, развиваемый книгами, искусством, наукой, разговорами. Люди веками трудятся над собой, называя это саморазвитием. А тех, кто собой не занимается, зовут обывателями. А как же назвать тех, кто потерял это? Людей вроде Дмитрия Ивановича? И да, я взяла ещё щадящий пример. Он просто притворяется нормальным человеком. А есть же те, кто, делая что-то для улучшения, и как бы трудясь над собой сами же превращают себя в кукол, у которых нет ничего человеческого кроме тела и лица, да и те, иногда настолько изуродованы, что понимаешь, нет в них ни капли от людей.

Перемены в жизни Дмитрия Ивановича наступили. Да, рано или поздно такое тоже случается. И были эти перемены шансом на спасение. В начале ноября пришло письмо от младшего брата. Тот, не видя своего старшего брата в течение десятилетия, решил встретиться, поэтому приезжал к нему на месяц вместе со всей своей семьей.

Быстро прочитав короткое электронное письмо, Дмитрий Иванович о нем тут же и забыл. И каково же было его удивление, когда к нему в квартиру заявился его брат через пять дней. Сначала, Дмитрий Иванович крепко испугался, когда увидел в дверном проеме викинга или великана ростом два метра в огромной теплой куртке и с не менее огромными рюкзаками, чемоданами и пакетами. Следом за ним вошла его жена миниатюрная женщина с очень живыми и блестящими глазами. Она впорхнула в квартиру, и с одним только ее присутствием в квартире стало тепло и уютно. Потом вбежали трое детей и огромный золотистый ретривер. Сразу стало шумно, громко, ярко. В квартире забила жизнь, и очнувшись квартира была искренне этим довольна. Брата звали Алексей Иванович, а жену его Наталья. Он стал фермером, выращивал коров, поставлял мясо и молоко в Москву, занимался сырова-

рением. К нему приезжали сыровары из-за границы. Они жили в большом уютном деревянном доме рядом с сосновым бором. Его предприятие дало много рабочих мест в селе, где он решил обосноваться. Это решило проблему с занятостью. Он пользовался уважением, был общительным, добрым, умел шутить и подбодрить. С собой он привез продукты со своей фермы и очень довольный рассказывал о своей жизни старшему брату. Но Дмитрию Ивановичу было слишком всё равно на брата и его жизнь. Он не всегда до этого помнил, что у него есть брат. А вот Алексей Иванович о брате помнил постоянно. Но он помнил того человека, с которым вместе вырос, а не вот этого Дмитрия Ивановича. К тому же Алексей Иванович не видел брата сейчас, он видел лишь свое представление о брате, да и только. Но впрочем, Дмитрий Иванович был этому несказанно рад. Он смотрел на своего младшего брата и радовался тому, каким сильным и красивым тот стал.

А брат его и вправду являл собой нечто великое. Он сам работал руками, сам доил, сам собирал все вначале, а потом когда дело пошло, он стал хорошим руководителем. Но на этом дело не заканчивалось. Он внедрял новые технологии, следил за зарубежными новинками, делился опытом с коллегами, и они обменивались с ним. На производстве можно было встретить разных, не только русских инвесторов. Конечно, все это создавалось чуть менее двадцати лет, но результат был грандиозный. При этом Дмитрий Иванович следил за новинками не только науки, но и искусства. Пожалуй, он представлял собой идеал человека прошлого века, в котором тело и ум были в гармонии, в равномерных пропорциях. И семья его была такая же, но в основном семья Алексея Ивановича была хлопотливым трудом его жены.

А Дмитрий Иванович сидел за праздничным столом, а фигура его была все такая же сгорбленная, а глаза такие же выцветшие.

Ноябрь был в самом разгаре. Жуткий пробирающий до костей ветер гнал случайных прохожих по домам. В то утро Дмитрий Иванович, как и Феня десять лет назад смотрел в окно. Потом что-то пробормотав, сунул ноги в ботинки и, оставив пальто висеть на крючке в коридоре, вышел на улицу, забыв закрыть входную дверь.

Несчастный Алексей Иванович сразу заметил отсутствие брата и тут же вызвал полицию. Потом он возглавил отряд волонтеров, но поиски так и не увенчались успехом. Это поселило печаль в глубине глаз Алексея Ивановича, но ему нужно было возвращаться к работе, поэтому через две недели он со всей своей семьей уехал, оставив квартиру надолго одну и поселив в ней холод.

Дмитрий Иванович долго бродил по городу. Пару раз натыкался на поисковые отряды, видел своё изображение на заборах и фонарных столбах, видел и усы, пририсованные ему мальчишками на одной из фотографий. Он видел своего брата, напомнившего ему Женю, но волонтеры не замечали

его. Он словно не существовал для них, а он был полностью равнодушен к их поискам и им самим. Они существовали в двух разных никоим образом не соприкасающихся вселенных...

Это знакомое многим, я уверена, чувство, было для меня новым. Я до сих пор не решаюсь дать ему точное название. Ведь как-то конкретно назвать его означает для меня потерять навсегда его необычность и своеобразную магию. Я также не могу его никак охарактеризовать. Но я всегда узнаю его, когда оно приходит. И мысленно легкой улыбкой приветствую его.

Это случилось. . . Да, был солнечный день. Лето. Почему-то я всегда была уверена, что для таких событий больше подходит середина осени с её утренними туманами и морозящими дождями. Это казалось мне, не знаю, более правильным, книжным. Как в романах. Но все было наоборот. Замерший душный воздух летнего вечера, розовато-фиолетовая полоска будущего заката. Зелёный шум старых больших каштанов и суетливые веселые крики стрижей, взмывающих в синее небо с красно-кирпичных крыш. Мы лениво лежали на диване, уставшие от дневной жары. Балконная дверь была закрыта, позволяя кондиционеру охладить квартиру. Надоедливый шум телевизора смешивался с дымом сигарет и кисловатым запахом старого паркета. Все это создавало поистине удушливо ленную атмосферу.

Из полудрёмы меня вывел истеричный визг и хлопанье крыльев. Неторопливо вышла к источнику шума. Он находился на балконе. Как ни странно, но мама, находившаяся до этого на кухне, тоже услышала визг и пошла на балкон. А там на деревянном подоконнике, отчаянно лупя своими красивыми черноватыми крыльями, рвался на свободу стриж. Когда наблюдаешь за стрижами с девятого этажа, они кажутся легкими черными точками. Но тут передо мной билось живое существо. Его черные глаза бусины смотрели только на небо, отгороженное от него стеной стекла. Блики в глазах бешено метались, крылья не останавливались ни на секунду. В первое мгновение я опешила, залюбовавшись черными перьями, гладко подогнанными друг к другу. Но потом страх волной от стрижа перешел ко мне. Его страх. Страх оказаться вдали от синей бездны, от потоков ветра, всегда струящихся под крыльями. Он боялся нас, людей, странных существ, которые не летают. Уверена, его голова кружилась от совершенно незнакомых и непривычных

запахов нашего балкона. Сердце его стучало быстро, очень быстро, заставляя работать крылья постоянно. Да и сердцебиение птиц намного быстрее человеческого.

В своей панической боязни стриж, по моему, ничего не видел и шарахался от всего. Когда я подошла ближе он взмахнул крыльями, попытался оторваться от полированной поверхности подоконника и упал на пол. Но он не перестал бешено бить крыльями. Я быстро нагнулась, взяла его в руки. Я чувствовала его крылья, перья, его бьющееся сердечко. Его отчаяние. Его надежду. Он был очень легким и таким хрупким. Казалось, его легко сломать. Но одно я также поняла в этот миг: сломать просто его не получится. Он бил своими крыльями меня по рукам, не останавливаясь. Он отвергал мои руки, хотя они были единственным, что могло ему помочь. Он сопротивлялся помощи. Неистово рвался к свободе, которую по его мнению у него хотели отобрать. За это время мое сердце стало биться с такой же скоростью как и сердце стрижа. Мне казалось, что мы разделяли одни и те же чувства. Тот же страх и то же отчаяние. Буквально через секунду я высунула руки из окна, резко встряхнула их тем самым давая стрижу возможность оттолкнуться. Он взлетел и немного криво полетел ввысь. Я опустилась на пол, тяжело дыша. Страх и отчаяние ушли. Я боялась за стрижа. Я боялась вместе с ним. Все это заняло не более десяти секунд, но для меня это затянулось на несколько часов. Теплый ветерок игриво шевельнул курчавую прядь, а я подумала: «Лети, птичка»...

Жук

Первым, что он почувствовал, когда очнулся здесь, был запах, пьянящий запах, который полностью захватывал сознание, не давал чему-то другому занять его место. Этот запах был самой свежестью. Он одновременно был сладок и горек, была в нем некая чарующая околдовывающая терпкость и вместе с тем притягательная мягкость, были в нем еще какие-то неуловимые ноты, различить которые было едва возможно, что кружило голову еще сильнее. Этот запах был как весенние бархатные сумерки, в которые хочется облачить чувствительную кожу, как солнечный летний полдень, который хочется выпить до дна одним глотком, как бодрящее легким морозцем раннее утро осени, дарующее волшебство своими туманами, как зимняя вьюжная ночь, когда потерял свой ориентир, и холод и страх сковывают сердце. Для Очнувшегося это был запах розового куста после ливня с грозой, когда природа еще находится в напряжении после часа молний и неистовства. Причем сами цветки куста были не нежно-розового, а насыщенного, но тем не менее не приближаясь к пурпурному, розового цвета. А капли, что лежали на лепестках непременно большие, готовые вот-вот сорваться вниз. Так для Очнувшегося пахла Любовь. Та самая, что редко встречается в жизни. В тот день и тот миг он родился, ибо его душа очнулась в нашем мире после, может быть, тысяч лет пути. И первым, что почувствовала душа, был запах истинной любви. Истопившаяся за долгие годы она возликовала и вновь обрела силы. Потом пробудилось сознание, и душа отдала ему главенствующее место, ибо так полагалось в этом мире. Но воспоминание об этом запахе, об ощущениях, что принесла с собой душа из другой вселенной, остались, будоража чувства и память, и маня...

Физически он был некрасив, велика вероятность, что внутри он тоже был уродлив для всех жителей своего мира. Было в нем что-то не то, чужеродное, иноземное, не местное, а следовательно подозрительное и всенепременно опасное. Остальные чурались его, обходили стороной. Он не знал. Что бывает по-другому. Недоверие, неведомая злоба окружали его плотной тенью с самого рождения. Он был сам себе противен из-за этого. Одно он знал точно: он выродок, монстр, самое низшее и мерзопакостнейшее из созданий,

потому что оболочка его была уродливой, черной. Она вызывала приступ тошноты и паники у окружающих. Но он держался, а все потому что обладал странной верой, верой в то, что ему досталась самая прекрасная в этом мире душа. И нелюбовь всех остальных лишь подкрепляла его веру в собственную исключительность. Где-то в глубине, в части, которая не поддавалась сознанию, он понимал, что душа его не отсюда и то, что душа его прекрасна, как и воспоминания о том цветке и запахе, который он никогда здесь не чувствовал. А еще он знал, что душа его чиста, как капли росы, которую он тоже никогда не видел и не ощущал, поэтому мир этот с такой любовью принял его душу.

Он жил в темноте, на дне, копался в отходах жизнедеятельности остальных существ. Душа его страдала с каждым днем все сильнее и сильнее. Она слабела, теряла силы, стонала, но не теряла своей красоты и чистоты. И мир, сжалившись однажды над её страданиями, решил подарить ей то небольшое, что имел, ибо он полюбил душу. Но мир этот был сам так уродлив, что не мог напрямую показать свою любовь. К тому же мир слаб, поэтому он мог поделиться лишь надеждой.

В один день тьма чуть отступила. И наверху высоко-высоко появилась точка света. Цветком багряным в душе расцвела надежда. Расправив крылья, и ничуть не удивившись, что они у него есть, Очнувшийся, впоследствии взявший имя Жук, полетел.

К душе вернулись силы, она снова стала такой, какой была в день прибытия. Он тоже стал сильным, сильнее, чем когда-либо был до этого. И он летел ввысь. В конце концов он вылетел за границы тьмы. Яркий свет дня больно ударил его по глазам, но Жук смог удержаться. Все вокруг было ослепительно голубым и... Чистым. А наверху, там где-то, бил белый-белый свет. И он полетел высоко-высоко. Он летел долго, очень долго, но так и не мог вырваться за пределы своего мира. Каждый взмах крыльев давался все труднее и труднее. Он слабел, но душа оставалась по-прежнему сильной, и он продолжал свой полет.

Но однажды в душу закралась мысль: «А вдруг?...». Доверчивая душа не знала, что вместе с этой мыслью к ней придет и отчаяние. Отчаяние убило надежду, но не сразу. Тогда у надежды был бы еще шанс вернуться. Нет, отчаяние убивало надежду медленно, день за днем. Минутой за минутой. В один день надежды не стало, а вместе с ней не осталось больше сил. А так как у жука своих сил уже не было, то крылья упали, так больше и не поднявшись. И жук полетел, только уже вниз быстро, слишком быстро.

Удар о темноту был болезненным, но он не убил Жука. Он несколько дней был слепым. А душа? А что же душа? Отчаяние затенило её красоту, чуть не убило чистоту, но все равно эта душа была самой прекрасной в том мире. После неудачи душа начала угасать. Она не хотела больше оставаться в этом

мире, но подняться наверх, к выходу, она уже не могла. С каждым днем она становилась все меньше и меньше.

И тут мир, который безумно полюбил эту душу, решился на то, за что потом себя так и не простил. Он решился на обман. Он создал искусственный свет, желтый. Он знал, что душа вскоре умрёт, то есть растворится в небытие, поэтому и создал для неё этот прощальный подарок. Душа увидела свет, и жук направился к нему. Душа была благодарна миру, он сразу же раскусил обман, но от этого её благодарность лишь возросла. Она внезапно поняла, что была любима, хоть и не так как хотелось ей. И она послала миру свой прощальный дар. Нежность и ласку, что помнила в других мирах, а единственную ценность, которой владела, аромат розово-розовых роз после грозы. И мир был счастлив на краткое время, а душа, вернув прежнюю красоту и чистоту умерла.

Стояла летняя теплая ночь, такая, которая наступает после душливо-жаркого дня. Какие-то насекомые все никак не могли успокоиться, и их стрекот разносился по округе. На тёмно-синем небе сверкала круглая луна и были разбросаны звезды. Мы сидели на веранде, на старых скамейках, с ободранными краями. Я поджала под себя ноги. Ю. допивала кофе с ромом. Д. нервно курил свои особые тонкие ментоловые сигареты. Над нами испуганно, попеременно грозя перегореть, висела лампочка груша, испуская тусклый желтоватый свет. Вдруг огромная уродливая тень закрыла свет. Мы вздрогнули. А Д. даже выпустил из рук свою сигарету, и она упала на неровный дощатый пол.

— Дерьмо!» — выругался Д.

Это был уродливый навозный жук. Он кружил вокруг лампы. Губы Ю. презрительно сморщились. А мне внезапно стало душно, потому что резкий порыв ветра донес до нас аромат роз. И этот аромат смешался с дымом сигарет. На веранде стало невыносимо находиться. Мы пошли по тропинке к садовым качелям.

- То была похоть.
- Не понимаю.
- Сигаретный дым и розы.
- Возможно.
- А кофе с ромом — страсть.
- Тоже возможно.
- А любовь?
- А что любовь?
- А как пахнет любовь?
- Свежескошенной травой.
- Ромашками.
- Розами после ливня. . .

Парк

Это был летний вечер субботы. Хмурые дневные тучи разбежались, и робкие солнечные лучи просвечивали сквозь листья деревьев. Из-за этого свет в парке был зеленым. Как и обычно играл оркестр. Музыканты принесли с собой стулья и расположились в центре парка, играя музыку военных лет. Откуда-то появились бабушки и дедушки в нарядных костюмах. Многие дамы могли похвастаться причудливыми шляпками. Площадка в середине парка вскоре была заполнена танцующими парами, только некоторые из которых попадали в ритм вальса. Они двигались медленно, получая удовольствие и неспеша разговаривая. На детской площадке напротив было шумно и весело. Дети кричали, смеялись. Плакали. Слышались удары ног по мячу, скрип старых качелей. От центральной части, словно радиусы окружности отходили дорожки. По этим дорожкам прогуливались люди средних лет, за которыми семенили маленькие собачки, ростом меньше среднего кота. Их огромные глаза были пусты, а носы водили повсюду, пасть не закрывалась, издавая громкий лай. Обгоняя собак, мчались велосипедисты в разноцветных шлемах. Им хотелось побыстрее пересечь парк полный неразумных детей и их родителей. Но часть дорожек была и вовсе пуста. Одну из них Она и выбрала именно из-за ее пустоты. Здесь все было также. Огромные клены и каштаны своими не менее огромными листьями закрывали небо и не пропускали лучи. Чуть съехав с дорожки, выложенной плиткой, можно было попасть на дорожку, протоптанную людьми. Недалеко от этой дорожки находился большой старый пенёк. Местами он был покрыт лишайником и мхом, пара длинных трещин рассекала его слева, но он стоял на этом месте уже много лет и многие люди садились на него, чтобы передохнуть. Девушка повела свой велосипед к этому пню, и, поставив его так, чтобы он не свалился, уселась на пенёк. Нервными пальцами она открыла рюкзак, что до этого висел у нее на спине, и достала черный ком проводов, в который превратились наушники. Она начала теребить их, но в итоге запутала еще сильнее. Тогда она достала телефон, но тот выскользнул из дрожащих рук и упал в траву. Руки опустились на колени. Она подняла голову и посмотрела на небо, которого не было видно. Из глаз покатались слезы. Они размазали

тушь. Ей было больно, очень больно в душе. Там, внутри неё все смешалось. В голове обрывками висели мысли. Верить или не верить? Доверять или нет? И почему так больно? Почему хоть раз не может пройти все нормально? Привязываться нельзя. Потом слишком неожиданно. Забываешь, что один. Но иллюзии рушатся... И от этого еще больней. Почему так? Можно ли доверять человеку, уже совравшему? Врать нужды не было. И врет ли сейчас? А может стоит вспомнить старую добрую тактику и забыть? Со временем я все узнаю. Может, не стоит так глубоко копать? Мои эмоциональные горки меня уже достали. Или я просто нашла еще одну причину, чтобы ненавидеть себя?

Внезапно слуха коснулся лай. Она вернула голову в нормальное положение и посмотрела вперед. Там три дерева стояли полукругом, создавая что-то наподобие сцены. И на этом месте мелкая собачка, чья голова еле виднелась из травы, гавкала на свою хозяйку, женщину лет сорока с короткой стрижкой и в спортивном костюме. А солнечные лучи, которым все же удалось пробиться сквозь листья и ветки, образовывали золотые лужи на зеленой траве. Эта картина заставила девушку улыбнуться. Она почувствовала. Что находится в самом центре покоя. Этот парк, это место в нем были такими мирными. Окружающий мир был тих и доволен. Но внутри, что творилось внутри. . . Там бушевал пожар, сердце требовало испытаний, страданий, боли, преград, что нужно сломить. Молодое тело хотело лишений и нужды. Все ее существо жаждало проверить себя, испытать. Но как назло вокруг ничего не происходило. Она была в самом сердце мира. И так было всегда. Она жила среди людей, уже хлебнувших горя. Им не хотелось ничего, кроме покоя. Они радовались каждому дню. И они мечтали, чтобы и она и все ее поколение никогда не испытывали чего-то подобного. Но молодое сердце и молодая кровь жаждали войны. Она не хотела этой войны в сердце, война родилась невольно, без желания. Молодым нужны приключения, опасность, всплеск адреналина. Она хотела того же, что и окружавшие её: обрести покой в душе. Но видела она только один выход: сейчас вокруг нее покой, а внутри война — значит, войну нужно вывести наружу. Она пока не знала как, но, осознав, твердо уверилась в том, что найдет способ.

Она опустила голову и позволила звукам из внешнего мира войти в нее. Она попыталась охватить все, что ее окружает. Сначала она впитала собственное сердцебиение, потом стрекот насекомых в траве, лай собаки. Она закрыла глаза и прислушалась. Смех детей на площадке, крики птиц, разговоры прогуливающихся. . . Она была в центре мира, но сражение бушевало в ней. . .

А оркестр играл прощание славянки. Пары медленно кружились. Подул легкий ветер, который приподнял пару шляп. Птицы и велосипедисты стремительно неслись вперед. Это был обычный летний вечер. . .

Гроза

Депрессии посвящается...

«Пик, пик, пик. . .» Вы никогда не замечали, как жутко плачет касса в торговых центрах? Она словно отсчитывает мгновения, которые тебе осталось жить.

— Да, и еще это, пожалуйста.

Я кладу пачку жвачек. Орбит. Мятные. Чтобы отбить отвратительный металлический привкус во рту.

В грязной тележке эту пачку дожидаются другие товары. Про себя медленно перечисляю их, рисуя образ каждого в отдельности, позволяя отпечататься в моем сознании. Пакет яблок, пакет сока, две упаковки творога на завтрак (жутко улыбающаяся рожица деревенской девушки-колобка на зеленом фоне упаковки), литр кефира, крупы, сахар, разрыхлитель, зачем-то мы взяли антистатик, и, конечно, хлеб. Он сильно выделяется среди всего остального. Ещё бы. Не фабричного производства, а местного, магазинного, свежий, черный, хрустящий, с семечками и изюмом. И от него так восхитительно пахнет. Он еще теплый, прямо с печи, и своим теплом прогревает мою душу даже на расстоянии. Мне просто достаточно знать, что он здесь, рядом.

— Не, ну ты слышал... Ахахах... Сирьёёёзно...

Голос незнакомого парня, рассказывающего своему другу крайне важную и занимательную историю, вырывает меня из оцепенения. Привычным нервным жестом завожу прядь волос за ухо. Почему-то на глаза опять возвращаются слёзы. Втягиваю шею, чтобы голова оказалась вровень с плечами, поправляя капюшон. Беру самый большой из двух лежащих в тележке пакетов.

— Нет, нет, дорогая. Ещё наносишься за свою жизнь.

Она решительно отбирает пакет у меня и вручает свою лёгенькую сумочку взамен. Нельзя допускать этого. Но...

Вечером у неё опять заболит спина. А все потому, что ей нельзя таскать ничего тяжелее килограмма. Но это в теории, а практическая сторона жизни вещь совсем другая. И снова это чувство вины. Я ощущаю себя безмерно

виноватой перед ней. Уже очень давно. Наверное, всегда. И буду твердить это вновь и вновь. Прости, прости, я виновата, я знаю. И еще раз прости. Мое прости безмолвно, и она его не слышит, не видит, не чувствует. Она пока еще не знает, что я так извиняюсь перед ней. Когда-нибудь, когда время притупит раны, она поймёт. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Из-за этого чувства вины, я почти не расстаюсь с нею. Уже месяц я стараюсь по возможности все вечера проводить рядом. Ходить с ней за покупками, смотреть телевизор, просто быть. Она не понимает в чем дело, но радуется безмерно. Просто, как и я, старается не говорить об этом. Я знаю, вся эта ситуация тревожит ее сильнее, чем она может и хочет показать. Я практически не общаюсь с друзьями, про одноклассников вообще молчу. Про друзей... И сказать больно. Я отдалилась от них. Сама себя убедила в том, что это для их же блага, чтобы они даже не вспомнили потом обо мне. Но в глубине души я ведь знаю. Я хочу побыть побольше с ней.

Глаза покраснели снова. Слезинка, на минуту задержавшаяся на реснице, была немедленно сметена ладонью. Дура. Так нельзя.

Мы идем к выходу торгового центра. В мутном стекле бутика напротив я вижу наши отражения. Два существа женского пола примерно одного роста. Я — маленький пухлый карлик в старой ветровке ярко-розового цвета. Кричащий оттенок. За это время я непростительно сильно растолстела. Она — элегантная женщина средних лет, в стильном блейзере, но эти два огромных пластиковых пакета просто убивают весь её вид.

На улицу уже опустились сумерки, добавив в атмосферу голубоватый оттенок. Температура упала с тридцати до десяти градусов. Ветер рвёт деревья. Мы перебегаем через дорогу на последние секунды светофора. В спину нам сигналият машины. Случайно поднимаю голову вверх, тут же спохватившись, снова втягиваю ее в плечи. Но увиденное все еще остается со мной. Крупные сочные зеленые листья каштанов и тополей вздрагивают под порывами ветра. Ветки нещадно хлещут по окнам рядом стоящих домов. Вокруг мчатся машины, кричат наперерез ветру люди, а сам он подбавляет хаоса, кружа листовки и прочий мусор, дуя в лицо и пытаясь стянуть с нас одежду. А небо... Оно серо-синее, многослойное, кажущееся бесконечным. Стальные тучи, словно крепко впаялись в его плоть, создавая почти сюрреалистический пейзаж. Электрическое небо. Предгрозовое.

Мы заходим во двор. И тишина и спокойствие этого места почти оглушают меня. В глубине двора на лавочке, скрытой каштанами самозабвенно целуется парочка. Заметив нас, они мгновенно отскакивают друг от друга. Девушка одаривает меня высокомерным чуть испуганным взглядом. Сейчас она чувствует себя на вершине мира, словно ей открылась неведомая остальным тайна. А мы, простые смертные, пока не узнали такого. Она уверена, что хозяйка вселенной. Как я её понимаю. Когда-то я тоже чувствовала себя

королевой. Я отворачиваюсь и прохожу дальше.

В двери скрипят ключи. В нос из раскрытой двери ударяет кислый запах старого дерева. Это наш сорокалетний паркет. Мама что-то произносит детским жеманным голоском. Ей кажется это очень смешным. Потом она комментирует чьи-то действия, подшучивая над их глупостью. Я угукаю в ответ, не особо вслушиваясь и стараясь скрыть раздражение. Не люблю, когда она ведет себя так. Люди разные. Не всем же быть такими правильными, умными и сообразительными как она. Люди вообще по природе слабые недалекие существа. И снова это чувство вины. Нельзя так говорить о ней. Нельзя злиться на нее.

Стемнело совсем. Десять вечера. Бог мой, а пришли мы только в восемь. Неужели прошло два часа? Я разобрала вещи, переоделась и села на кровать на секунду, чтобы посмотреть в окно, а прошло два часа. Всхлип произвольно вырывается из горла. Тут же ладонями зажимаю рот. Нельзя, чтобы он услышала. Два часа. Я ничего не помню. И не помню, когда это началось. Что-то темное забирает меня, и я не в силах с этим бороться. Моменты света так редки. Поэтому я провожу их с ней. Случается, что я на секунду задумаюсь над чем-то, а оказывается, что прошел уже день. И я опять опоздала и не пришла в школу. Она не знает: каждый раз я вру ей, и стена становится все выше, а вина все больше.

Я проснулась среди ночи. Теперь я постоянно встаю по ночам: ведь уже давно потеряла чувство времени. Мы спим с открытыми окнами. Вечернее напряжение разразилось грозой. Крупные ливневые капли бьют со всей злостью, на которую способны, по ни в чем не повинному асфальту. Я иду на кухню, включаю кран для фильтрованной воды. Набираю полный стакан. Медленно пью, хотя не хочется, до спазмов в желудке. Окно на кухне низкое, почти французское, этаж семнадцатый. Завороженно подхожу к нему, нервными подрагивающими пальцами снимаю сетку. Дождь врывается в прямоугольник кухни. Капли падают на белую ночнушку, оставляя серые разводы. Оглядываюсь назад, словно прощаясь. В память врезаются красные цифры на микроволновке, показывающие время.

2:30

Бьет молния. Синяя, с белыми краями в черном небе. Дождь заливает глаза. С последующим раскатом грома все заканчивается.

Она проснулась от внезапного сильного порыва ветра за пять минут до рассвета.

4:55

Повинуясь интуиции, пошла на кухню. Сетка на окне сорвана, пол залит водой. Она еще ничего не поняла, и не скоро поймет.

НИ-17

Она скользила в тени... Никогда еще она не ощущала такую легкость во всем теле, никогда еще ее ноги не были так быстры и проворны, никогда еще её сердце так сладко не сжималось в груди от волнения, а кровь так быстро не бежала по венам. Впервые в своей жизни она делала что-то настолько противозаконное и опасное. Нет, почти вся её жизнь состояла из ежедневного нарушения правил, постоянного неподчинения и скрытого протеста, но сейчас она нарывалась на пожизненное заключение. Ее это не пугало, наоборот придавало ускорения и желания двигаться вперед, бежать навстречу неизвестному.

Здесь, внизу, царил серый цвет. Сам воздух и мелкая пыль, что причудливо кружилась в нем, были серыми. Если бы не кислородная маска, Эви не продержалась бы и пары секунд. Свет тоже был серым, но более светлого оттенка. Солнце уже почти сто лет не заглядывало сюда, по воле людей, конечно. Здания, их краска с годами облупилась и облезла неровными кусками, от сырости давно сгнили и тоже начали отсвечивать серым. Провалы, образовавшиеся на месте бывших когда-то здесь окон, и тени, что отбрасывали здания, были насыщенного темного серого цвета, почти чёрного. Нижние миры, как в шутку их прозвали обитатели Верних этажей, могли на самом деле считаться царством теней. Ведь тень — то, что возникает на границе добра и зла, света и тьмы, черного и белого, а следовательно она сера, как одежда Эви в этот самый миг.

Вообще, экипировка Эви была последней военной разработкой, но добрый папа подарил пилотный образец своему капризному чаду еще в том году, как игрушку, про которую вскоре забудут. Это была защитная одежда со встроеной системой «Хамелеон», позволявшая владельцу беспрепятственно проходить мимо разных датчиков и систем слежения. Но самым большим плюсом этой экипировки была обувь. Удобные легкие берцы, имевшие небольшое родство с кроссовками, с вентиляцией, так что ноги не потели после часа умеренного бега и не уставали, скрадывали звук шагов.

Эви подошла к границе сектора. То, что было до этого, на самом деле разминка. Начинается самая трудная часть, но нужно же будет и обратно

как-то возвращаться. Но подумать об этом Эви уже не успела. К ее огромной радости, ей навстречу, издавая громкое жужжание, резко звучащее в тишине, и потому создающее резонанс, неся дрон. По форме он напоминал сферу, гладко-черную, с глянцевым блеском, что тоже выделяло его на фоне всего остального, имевшего хоть и разные оттенки, но одного серого цвета. Издалека он был похож на маленькую черную точку. Но он становился все ближе и ближе и уже напоминал жирную муху, которую Эви видела на картинке в учебнике по биологии. Раньше мухи жили здесь и сильно докучали местным жителям. Но теперь тут не живут даже люди. Скорость у дрона была большая, меньше чем за пару секунд он достиг Эви и теперь завис перед ней, хотя находился до этого на другой границе сектора. Значит, защита даже на нижних мирах работает превосходно. А как же иначе объяснить то, что дрон, словно хищник, почуявший добычу, так резко рванул в ее сторону. А ведь она только слегка приподняла полу защитного плаща, специально, конечно.

Бедный дрон, жаль он не может знать, как гнусно будет использован сейчас, как жестоко над ним надругаются и используют его. А заодно и всю правительственную систему. Эви чуть не расхохоталась в голос. Но вовремя сдержалась. А пока, наивный дрон висел прямо перед ней в серой густоте воздуха и неистово громко жужжал. Эви подняла правую руку, чуть оголила запястье, на котором был браслет, и поднесла его к считывающему устройству дрона. Мамин браслет, украденный из косметички. Он открывал полный доступ ко всей информации, лежащей в голове дрона. Через пару секунд, она знала, куда точно ей следует идти. На картах, в памяти дрона, это место значилось как заброшенная ТЭЦ, но только Эви это не интересовало. Ей нужно было то, что находилось немного поодаль и намного глубже под землей. Мало кто знал, и слава всем тем богам, которых придумало людское воображение, но под городом была широко разветвленная сеть катакомб, и один из входов в нее был расположен в ТЭЦ.

Эви вышла из тени здания, чтобы тут же нырнуть в другую. Она двигалась быстро, но вдруг до ее ушей долетело странное жужжание. Поблагодарив свою интуицию за то, что сохранила управление дроном за собой, она отправила вышеозначенного дрона к месту, от которого исходило жужжание. Как ни велико было ее удивление, когда она увидела там людей, но все же наибольшее удивление вызвало то, что она не увидела практически никакой защиты на них. Они дышали через кислородные баллоны, но кислородные маски намного удобнее и практичнее и скрывают лицо полностью. Эти люди были без какой-либо защиты на одежде, и их руки были без перчаток, а насколько Эви знала, уровень радиации в этих районах все еще очень высок. Рядом с ними был дрон, но не такой как приятель Эви. Этот издалека напоминал человека, но вот то, что служит людям головой, было у него сильно вытянуто

вперед, и сбоку он походил на букву «Г». Второй дрон не обратил внимания на своего меньшего собрата и сосредоточил свое внимание на людях. Это позволило Эви подлететь к ним поближе и рассмотреть их лица. Они все были мужчинами, причем сильно заросшими и неухоженными. А еще они все были не молодыми. Глубокие морщины прорезали их лица, сделав похожими на кору деревьев в парке Миллениум. Но Эви больше поразило то изнеможение, сильная усталость и глубокая печаль, что отпечатались на их лицах. Среди них выделялось одно лицо. Где-то Эви его уже видела. . .

Но не сейчас. Ей следует поспешить. Она подумает об этом потом. Все равно фотографии их лиц были загружены к ней в браслет. Дрона она отпустила, предварительно подправив ему память. Теперь он был бы ненужной помехой. Хорошо, что раньше люди строили дома так близко друг к другу. Спасительная тень была всегда под рукой. Так, словно став призраком, Эви добралась до ТЭЦ. Как и все здания внизу, здание ТЭЦ тоже было разрушено плесенью, сыростью и временем. Внутри ее встретила та же тишина, проникнувшая в город вместе с серым цветом. Но Эви интересовал только вход в катакомбы. В инструкциях было написано, что он в восточной части здания, на первом этаже, в бывшей подсобке охраны. Эви нашла то место, где раньше сидел охранник. Под слоем пыли и грязи были погребены старые модели компьютеров, большое кресло и несколько шкафов. Они рассохлись, развалились, по их силуэтам, можно еще было угадать, для чего их использовали. Пройдет десять лет, хотя нет, намного меньше, и будет уже не угадать, что есть что. Несколько стен обвалилось, придав помещению совершенно несолидный и неопрятный вид. Но сделав пару шагов вперед, Эви обнаружила зияющую дыру - вход в катакомбы.

Фонарь был совсем новый, тоже одна из военных разработок, не требующая зарядки, изменяющая интенсивность свечения, от того он испускал холодные белые лучи с синим отливом. Наверное, люди, разрабатывающие военную экипировку сами очень холодные, потому что Эви от этого света сделалось слегка неуютно. Катакомбы встретили ее еще более тихой тишиной, если можно так сказать, по сравнению с Нижними мирами. Но цветовая гамма здесь была совсем иная. Если ТЭЦ принадлежало к царству теней, то катакомбы были царством тьмы. Все вокруг было черным. Не видно было ничего, спасал только фонарь. Казалось, что чернота густая, словно желе, и ты в ней вязнешь. Эви высоко подняла руку с фонарем. Сразу стало видно, что она в туннеле, неизвестной длины, с голыми стенами, покрытыми плесенью, и земляным полом. Ей нужно было идти прямо все время, пока она не наткнется на дверь. И хотя прошло не более двух минут, с того времени, как она сюда вошла, но ей показалось, что она пробыла в катакомбах несколько часов. И тогда Эви побежала. Она не слышала звука шагов, но чувствовала как бежит, как быстро несут ее ноги и как сильно стучит ее сердце. . .

Эви сбила дыхание, поэтому сейчас судорожно дышала. Перед ней была дверь. Совершенно новая, с гладкой поверхностью и особым замком. Эви получила ключ. Она открыла дверь и вошла, а затем посмотрела на часы. Рано. Но это значит, что у неё есть несколько минут, чтобы оглядеться. Комната была большой и круглой. Посередине стоял круглый стол, непостижимых размеров, заполонивший всю комнату, что навевало мысли о короле Артуре и рыцарях круглого стола. Лампы наверху громко жужжали и светили зеленым. Снять капюшон и кислородную маску Эви и не подумала. Не за чем остальным видеть ее лицо. Она вновь бросила быстрый взгляд на часы. Ровно девять.

В это же мгновение в стенах комнаты появились двери, которые сразу открылись, впуская людей. Их было так много, что в комнате сразу стало тесно. Не десять, не двенадцать, а около сорока человек. Все они были одеты так же, как и Эви, в плащ-хамелеон, темные берцы и абсолютно все имели на лице кислородные маски. У некоторых еще были встроены устройства, которые изменяли голос. Тишина отступила, слышались голоса и смех. Кто-то обнимался, кто-то жал руки. Несмотря на столь сложную защиту, они все равно узнавали друг друга. Вскоре в стене появилась еще одна дверь. Она медленно отъехала в сторону, и на порог комнаты вступил мужчина. Почему Эви подумала, что это мужчина? Потому что если бы женщина была такой, то ее было бы очень жалко. Этот субъект имел рост более шести с половиной футов и необычайно широкие плечи. Он извинился за опоздание, подошел к столу, набрал какую-то комбинацию цифр на приборной панели и начал собрание. Остальные сразу же подошли к столу. Эви в это время присматривалась к этим людям, пытаясь определить, где тот, что позвал ее сюда.

В письме было сказано, что она поймет, кто ее нанял. Интересно только как? Поэтому решив, что наниматель сам ее найдет, она прислонилась к стене и стала прислушиваться к тому, о чем говорили эти люди. В начале шел идеологический бред, свойственный каждой подпольной организации. Потом они заговорили об оружии, схемах доставки, объединении городов, складах. Но вот речь зашла об организации безопасности доставки груза. Кибербезопасности. Эви наострила уши. Она знала, что это должно напрямую касаться её нанимателя. Субъект, шести футового роста, оказавшийся главой этой группы организации, кивнул в сторону человека, стоявшего слева от него, и вопрос отпал. Человек, до этого что-то рассматривавший на столе, поднял голову и встретился со взглядом Эви, он медленно ей кивнул. Эви пришлось обойти половину стола, чтобы добраться до него. Хорошо, что на неё мало кто обращал внимание. Как только она подошла к нему, человек сделал шаг назад от своего главы, повернулся к Эви лицом и сделал знак следовать за ним. В стене снова появилась дверь. Она вела в еще одно по-

мещение, меньшего размера, с белым светом лап. Человек сел на большое кресло стоявшее ближе к правому углу комнаты и знаком велел Эви сесть на стул, стоящий напротив него. Через минуту молчания человек заговорил: «Я сейчас должен быть на собрании. Ждите меня здесь.» В его интонациях сквозила такая уверенность в себе, своей важности, что Эви состроила недовольное выражение лица, которое, к счастью, скрыла маска. И всё. Не сказав больше ни слова, человек покинул комнату, оставив Эви в одиночестве ждать конца собрания. Недовольно хмыкнув, она приготовилась ждать.

Внезапно взвыли сирены, предупреждающие об опасности. Эви, оказавшаяся в этой комнате, как в ловушке, начала судорожно искать выход. Приказав, панике отступить, она решила использовать свой браслет. Дверь поддалась. Лампы светили с перебоями, отбрасывая на стены зеленые блики. В комнате, что странно, не царила паника. Глава громко, перекрывая гул сирены, сказал, чтобы все возвращались теми дверями, что пришли. Эви попыталась протиснуться к своей двери, благо, она помнила, где та находится. Но вдруг кто-то тронул её за плечо. Это оказался ее наниматель. Он снова знаком приказал ей следовать за ним. Неизвестно, что обуяло ее в этот миг. Страх, ведь она впервые нарушала закон по крупному, любопытство, она не знала, кто её наниматель, и что конкретно ему от нее нужно, или привычка подчиняться старшим. Она пошла за ним, сирена продолжала надрываться, вызывая головную боль.

Вдруг стали открываться новые двери, и из них начали выходить военные, в традиционном белом обмундировании, с парализаторами наготове. Среди оставшихся раздались крики о предательстве, появилась паника и толчея. Эви перестала понимать, что происходит. Кто-то, неизвестно из военных ли или из этих заговорщиков, не просто достал оружие, а применил его. Раздались крики, потом начали стрелять уже все военные. Синие лучи пронзали черноту, кто-то выключил свет. Но Эви продолжала идти за своим нанимателем. Вдруг он схватил ее за локоть, толкнул к двери, она ступила в темноту. Наниматель сзади толкнул её и прокричал: «Беги!». И она побежала, включив предварительно фонарь и высоко подняв его над головой. Она бежала, потому что военные вскрыли дверь и сейчас бежали за ними. Наниматель откуда-то достал парализатор и начал отстреливаться. Ей было страшно. Страшно так, что хотелось остановиться и сдаться, но что-то внутри подстегивало бежать вперед. У нее сбилось дыхание, легкие горели от перенапряжения, холодный пот мелкими каплями катился по спине.

Она слышала стрельбу вдали, но уже не могла бежать. Ноги налились свинцом от усталости. Что-то холодное прикоснулось к её голове, и она провалилась в темноту. . .

Люди всегда стремились к небу. Часто это объяснялось желанием быть

поближе к Богу. Но если допустить, что Бога нет, чем же все это тогда обосновать? Стремлением к совершенству? Небо было и остается загадкой номер один. Что скрыто там от нас? Есть ли там ответы на наши вопросы? Но чем ближе мы по нашему мнению подходим к небу, тем сильнее мы на самом деле отдаляемся от него. Не этой ли причиной можно объяснить то, что люди перестали селиться на земле. Они начали строить здания сначала по сто этажей, и они казались им необыкновенно высокими, потом количество этажей с завидным постоянством стало расти. Таким образом, люди строили дома все выше и выше и даже не заметили, когда начали жить за облаками. Конечно, это создавало неудобства для самолетов, но эта проблема была быстро решена. Фундамент, как и раньше находился на земле, но на первых четырехэтажных этажах никто никогда не жил, дальше шли так называемые промышленные этажи, на которых находились разнообразные предприятия разной степени вредности. И только после них на семисотых или восьмисотых этажах начинались жилые помещения. На самом деле, это было очень удобно. Популяция человечества в первые годы сильно увеличивалась, поэтому широкие здания по тысяче, а то и полторы тысячи этажей прекрасно подходили для нужд городов. Стиль зданий был современным. Много стекла, хрома, больше открытых пространств. В моду вошел минимализм. Да, людям и не нужно было множество вещей. Только компьютерная комната...

Солнечные лучи, не встретив препятствий, скользнули в спальню. Огромные окна в пол им это позволяли. Раньше, люди всегда могли сказать, какое время года, не ориентируясь по солнечным лучам. Теперь же, только время их появления могло сказать какой сейчас сезон. Но людям и не нужно и не интересно было знать, зима ли сейчас или весна. Хотя Эви точно знала, что зима. Если бы люди продолжали жить как раньше, то многие выйдя на работу бы сегодня, втянули бы носами бодрящий зимний воздух и заспешили бы по делам, получив свою долю свежести. К сожалению, выйти на улицу уже не получится. Выходить особо некуда. Да и здесь, наверху, воздух другой, разреженный. Было девять утра. Лучи нагло пробежали по холодному кафелю, поднялись по одеялу и добрались до лица Эви. Она неохотно приоткрыла один глаз, чтобы тут же его зажмурить. Но дело было уже сделано — Эви проснулась. Она сбросила одеяло и вяло пошла на кухню, чтобы сварить кофе. Родители, видно, так и не вернулись домой с ночного совещания. На столе стояли немытые чашки тарелки, а также неровной горкой были навалены вчерашние газеты. Отец признавал только газеты. Они стоили, конечно, баснословных денег, но благо её семья могла себе их позволить. Правда, что-то на столе в это утро было не так. Среди обычного бардака, создающего атмосферу жилого помещения, скрывалось нечто чуждое. Сосредоточившись, Эви увидела ослепительно-белую бумагу конверта. Такой же мерзкий цвет был и у стен проходов и общественных комнат. Герб клиники. На все города

это была единственная клиника. Холодок ужаса пробрал Эви.

Звонок в дверь. Быстрый взгляд на домашнего дрона, парящего невдалеке. На его панели высветилось изображение. Лицо друга. Губы произвольно улыбнулись, и страх ненадолго отступил. Эви кивнула дрону, стены разъехались, и в комнате оказался юноша, ровесник Эви. А также однокурсни́к и лучший друг, который старался её не оставлять. Тот раскинул руки, и Эви, не задумываясь, приняла его объятия. Было тепло и хорошо. Уютно. Но это ощущение быстро рассеялось. Друг схватил ее правой рукой за подбородок, приподнял голову так, чтобы видеть ее глаза. И огонёк понимания проскользнул в его взгляде. Затем взгляд начал темнеть, а на скуле угрожающе заиграл желвак. Миг, после которого звук пощечины прорезал воздух. Боль накрыла через несколько секунд.

Глаза резало и щипало. Джеймс жестоко ухмылялся, заливая эту дрянь ей в глаза. Он был прав. Хотя это и ужасно больно, но ничего другого, что скрыло бы опасную красноту, люди придумать так и не смогли. Джеймс заставил ее принять душ, плотно позавтракать. Потом он подобрал ей наряд, который не выделял бы ее из толпы. Стены разъехались вновь. Белый свет, белый коридор, белые плащи. Только их лица вмешивались в эту гамму. Общие комнаты находились на самых верхних этажах, поэтому им предстояло подниматься на лифте. Бесконечная анфилада залов с потолками высотой до двадцати футов, которых казалось и не было вовсе. Все здесь было из стекла — стены, потолки. Но все равно хотелось верить, что и в самом деле среди облаков. Среди этого царства грез, подсвеченного солнечными лучами, казавшегося невероятно мягким и прекрасным, что хотелось до него дотронуться, но в то же время появлялась боязнь неосторожным движением разрушить эту нечеловеческую красоту. От погружения в мечты и умиление спасали лишь кое-где видневшиеся серебристые опоры, да знание законов физики и здравого смысла. Но Джеймсу явно было не созерцания облаков. Крепко держа Эви за руку, он упорно двигался вперед, стараясь не слишком задерживаться за разговорами с многочисленными друзьями. Фил жил в другом здании, там же, где находились учебные комнаты и до которых было два прохода. К счастью, большая часть студентов уже была на занятиях, и на проходах не создавалось обычных для этой части утра человеческих заторов. Охране они сказали, что проспали лекции и сейчас хотят наверстать упущенное. Конечно, можно и прямую трансляцию посмотреть и записи потом послушать. Но на профессоров приятней смотреть вживую.

Фил встретил их радушно. Сложно в этом мире было сказать, когда человек рад тебе по-настоящему, а когда соблюдает вежливость и осторожность. Люди хорошо научились прятать свои настоящие эмоции. Хотя официально говорилось, что полиция мысли выдумки дураков, которым нужна только анархия, но все-то знали, что она существует. Да и офицеры полиции мысли

не особо таились. Они могли даже днем забрать человека. Но камеры всегда можно обмануть, если знать нужных людей. Для начала Джеймс и Фил проверили вчерашние запасы, пока Эви вела себя, как подобает. Но вчера вечером она перешла через три прохода в черном плаще и спустилась на лифте на сотый этаж. Потом она пропала с камер, а возвращалась уже в три ночи. И что самое ужасное, камеры зафиксировали красные глаза. Фил обернулся к ней, сидя в кресле, и погрозил пальцем, сказав: «Девушка, тебе повезло, что я вчера тебе отследил и вывел эти данные. Я еще вчера за тобой все подчистил. Сколько раз предупреждал: НИ-17 принимай лучше у меня, тут я точно за тобой все приберу». Джеймс зло скрипнул зубами и пробомотал, что лучше бы она эту дрянь вообще не принимала.

Джеймс сказал, что лучше пару часов посидеть в кафе или погулять по Зимнему саду, чтобы на всякий случай запутать камеры. Таким образом они оказались в этом здании на окраине города в самом, из ныне построенных, высоком здании. Две тысячи этажей. На самом верху находился зимний сад, но эти цветы, столь прекрасные, высокие деревья и трава нужны были только для создания кислорода, а их внешний вид мало заботил правительство. В итоге это было странное нелепое нагромождение чего бы то ни было и своей нелепостью оно часто отпугивало Эви. Поэтому Джеймс отвел ее в зону кафетериев. Она пила апельсиновый сок, который на самом деле был простой водой. Но имплантат в ее голове заставлял ее видеть оранжевую жидкость в бокале, нос чувствовать запах апельсинов, но только на вкус это была самая обычная вода без вкуса, без запаха, без цвета. Многие даже не знали, что они пьют на самом деле. Эви довелось однажды попробовать настоящий апельсиновый сок, настоящий кофе и настоящий чай. Да, по утрам на самом деле она и все люди городов вместо кофе или чая пьет очень горячую воду. Только тот, кто пробовал настоящее, может сказать, что правительство их обманывает каждый день, но кто поверит этой горстке счастливиц, познавших настоящий вкус жизни?

Эви решила осмотреться. Она сидела среди таких же обманутых, как и она людей. Но те, счастливо потягивали обман из чашек, стаканов, кружек. Кто знает, может они пьют на самом деле из листьев, а имплантат заставляет воспринимать окружающую действительность по-другому? Она уже ничего не знает и ничего не понимает. Все, что она помнит, это боль холодное прикосновение к затылку чего-то холодного и темнота, в которую она летит. А потом воспоминания хлынули в нее, словно лавина. Усмешка, больше похожая на гримасу боли и отчаяния искривила ее лицо. Хорошо, что капюшон скрыл это от вездесущих камер. Теперь она по-другому взглянула на сидящих рядом с ней. Ох, до чего же они хилые, по сравнению с теми, кто окружал ее вчера. Или позавчера? После НИ-17 целый день почти ничего не помнишь, и часто бываешь сильно дезориентирован. Эти люди вокруг все как на под-

бор высокие, худые, сутулые, с впалыми щеками, рахитичными фигурами, серым, даже каким-то землистым цветом лица. Все одинаково похожие друг на друга. В глазах скрытое безумие, а плоть — отражение беспорядка, царящего в их душах. У них длинные паукообразные пальцы, холодные как лед. Их касания неприятны и заставляют морщиться от отвращения. Волосы засалены и немывы. Но это не от отсутствия шампуней или денег. Не от лени, а от нежелания следить за собой. Да и зачем? Эви видела как имплантаты сияют сине-изумрудными огнями под их кожей. Они все не здесь. Сейчас они подсоединены к Сети. Поэтому они с таким удовольствием глотают безвкусную воду. Там, в мире грез можно быть кем угодно, и как угодно выглядеть. Там они по-настоящему свободны. И одежда на них серая, такого же цвета, как их жизнь вне Сети. И как она раньше этого не понимала? Нет, не нужно себя обманывать. Она всегда знала об этом, просто сегодня дала волю разрозненным образам собраться в единый поток связных мыслей.

Она поймала взгляд Джеймса на себе. Тот послал по защищенному каналу Сети сигнал: «Вижу, тебе уже лучше?» Она кивнула, затем снова поймала его сообщение: «Идем домой?». И снова кивок. Почему-то горло не хотело генерировать звуки. А те в свою очередь не хотели вылетать наружу. Он подошел, взял ее за руку, и они молча двинулись домой.

Стены раздвинулись, впустив их в квартиру Эви. Джеймс заметил, что её лицо снова приобрело то выражение, что и всегда. Холодное, враждебное, циничное, надменное. Она снова надела свою защитную маску. И дальше он не смог уже сдерживаться, как сдерживал эти порывы все эти годы.

— Прошу, не губи себя. Не нужно, Эви. — в ответ ему только тишина, да еще более надменное выражение лица.

Он перевел дыхание, чтобы не взорваться совсем.

— Я хочу знать. Почему? Я имею на это право больше, чем кто-либо еще.

Она колебалась. Потом скинула плащ, туфли. Босыми ногами дошла до секретера отца. Набрал код, достала портсигар. Невесело ухмыльнувшись, чуть пошатываясь, как если бы была пьяна, дошла до противоположного конца комнаты, попутно зажигая длинную сигару. Он не знал, откуда, но ее отец всегда держал дома сигары. Она знала, что Джеймс ненавидит, когда она курит. Но сегодня все делала, чтобы его позлить.

— Знаешь, мой друг, а мне прислали письмо. Из клиники.

Джеймс облегченно перевел дух. Наконец-то родители решили заняться жизнью своей дочери.

— Я знал, что рано или поздно это случится. Понимаю, тебе это не по душе. Но мне кажется, что для тебя это будет лучше. Не молчи! — он снова не удержал себя.

— Возможно... — еле слышно, с какой-то издевкой в голосе произнесла она.

— От НИ-17 невозможно вылечиться. Мне там будут давать его столько, что вскоре я умру от передозировки... — смеясь, через секунду продолжила она, но договорить не успела.

Джеймс стремительно подошел к ней сзади, что она и не заметила, а может не хотела замечать. Он вырвал сигару из ее пальцев и зло бросил:

— Ты можешь отталкивать меня столько, сколько сочтешь нужным. Но я все равно добьюсь правды. Я её заслужил. А еще я заслуживаю твоего ко мне уважения. Мы поговорим, когда ты придешь в себя. Я попробую сделать так, чтобы ни одна порция этой дряни до тебя не дошла.

И он ушел, растаяв в стене. Она подумала, что если бы в её квартире были настоящие двери, как у людей, что жили в домах, максимум в сто этажей, то он бы непременно хлопнул этой дверью. Она прислонилась к окну. Ей хотелось, чтобы пошел настоящий ливень, чтобы окружающий пейзаж отражал состояние ее души. Но за окном были облака, весело подсвеченные солнечными лучами. Слеза скатилась по стеклу. Её можно было принять за дождевую каплю.

Эви утерла слезы и покачивающейся походкой зашла в отцовский кабинет. Там были её дозы НИ-17, заботливо приготовленные маминой рукой, а также еще одна редкость — настоящая бумага. Эви достала шариковую ручку и начала писать.

«В конце двадцать первого века были впервые изобретены импланты, что позволило людям перенести сознание в виртуальную реальность. Теперь их жизнь изменилась. Многие в то время думали, что в лучшую сторону. Да. Войны прекратились в реальном мире. Люди перестали отравлять атмосферу своим отвратительным оружием. Но это не означало, что войны закончились на самом деле. Войны перешли на новый этап. Это была война в виртуальной реальности. Люди настолько ушли в виртуальный мир, что позабыли о других науках. Тогда ученые, впервые предоставленные самим себе начали восстанавливать то, что было так неосторожно уничтожено ими же самими. Они поняли, что найти ответы на многие вопросы, что всегда волновали умы людей, можно лишь воссоздав приблизительно ту среду, которая была, когда люди только появились. Ученые пошли на сделку с правительством. Для простых людей строят огромные дома, чтобы не мешаться господам ученым, а те возвращают чистый воздух и исчезнувших животных, попутно занимаются

исследованиями космоса, думают как вылететь человеку за пределы атмосферы. в общем занимаются Наукой, а не придумывают новые способы человекоубийства. За это ученые создали кое-что, что позволило правительству контролировать мысли простых людей. Дали им абсолютную власть над простыми смертными. А так как же постоянно подсовывают новые военные разработки, биологическое оружие, новые виды камер и дронов. Мои родители - оба ученые. Мама - врач, вернее она что-то вроде психолога. У нее исследование. Жизнь простых смертных. Она всех изучает и делает какие-то выводы. Меня она, кстати, тоже изучает. Отец конструирует дронов. Они как бы ученые, но в то же время и на правительство работают. Поэтому за мной почти никогда не следят камеры. Поэтому у меня браслет, открывающий доступ почти ко всему. Я часто была снаружи, за пределами городов. Я знаю, как там хорошо сейчас. Постоянно проводятся тесты среди детей на нахождение склонности к каким-либо наукам. Моим родителям не повезло. Их единственная дочь годится только в искусствоведы. Мама в тот день чуть не умерла от горя. Потом я всю жизнь, живя с нею чувствовала свою ущербность. Зато отец меня любит. Я люблю с ним сидеть в настоящем лесу. Но только со смертью родителей я не смогу больше довольствоваться всем этим. Поэтому у меня с ними договор.

Когда я училась в школе, то познакомилась с парой девочек. Они были глуповатыми и погруженными в мир грёз, но они были по-настоящему добрыми. Они всегда мне поднимали настроение, поддерживали. И все эти люди, что ушли в мир грёз. Среди них не было ни плохих, ни хороших. Они были обычными, радовались жизни, солнцу, весне. Так по какому праву это у них отобрали? Не они загрязняли биосферу, не они вели разрушительные войны. Пусть без ученых и правителей они и остались жить в каменном веке, зато они были бы по-своему счастливы. Они умеют находить луч солнца даже во тьме. Тогда как я и прочие, выросшие в моей среде, не видят удовлетворения. Они не могут остановиться. На самом деле снаружи не все так радужно. Восстановить утраченное не получилось. Большая часть Земли - сухая пустыня. Человеческий ген стареет, идеи ученых тоже измельчали. Люди почти бесплодны, земли тоже. Мы пошли не по тому пути. Все благие начинания

обернулись крахом. И хотя ученые и правители мнят себя выше остальных, на самом деле они так же слепы. Только слепота вторых оправдывается тем, что их сделали слепыми, а первые так и не смогли выйти из своих мелких проблем. Чем сильнее мы развиваем новые технологии, тем дальше мы от звезд. Мы не ищем путей спасения, мы сами роим себе могилу. Но может там, вдалеке, кроется спасение?

Как ты понимаешь, когда такое выливается на тебя в шестнадцать лет, шок будет незабываемым. Я пыталась бороться. Агитация, зубрила физику. Читала про Циолковского, Королева. Ничего. Был выход. НИ-17 – новый вид наркотика. Знаешь, у нас наркотики запрещены, а употребление карается пожизненным заключением и стиранием памяти. Это потому что в нас самих каждый день имплантатом создается какой-то вид наркотика, чтобы правительство могло нас контролировать. А наркотик плюс наркотик получается разлад, и человек уже видит реальность такой, какая она есть. Но с помощью НИ-17 можно создать в своем воображении свою собственную виртуальную реальность. В своей я борюсь со злом и являюсь революционером. Через год от частого употребления НИ-17 я умру. Для меня это наилучший выход. Я собираюсь исчезнуть, пожить на Нижних мирах. Кстати, те, кто употреблял героин или кокаин тоже живут там, только их заставляют без защиты выполнять какую-то грязную работенку. Мне там самое место.

Не ищи меня.

Я люблю тебя. Прощай.

Теперь ты знаешь все, Джеймс.

Твоя Эви.»

Дописав письмо, она сложила его в конверт и поставила печать, как будто жила в таинственном восемнадцатом веке. Она взяла НИ-17 со стола, вышла из кабинета и подошла к окну. Бросила печальный взгляд на облака. Потом одела черный плащ, с защитой «Хамелеон». Обула берцы. Кислородную маску пока просто взяла в руки. Стена отъехала, показав огромную комнату с круглым столом посередине и зеленым освещением. Эви с улыбкой шагнула туда. Шприц, через который вводился НИ-17 был пуст.

Идеальная девушка

Она еще раз перебрала в уме все те качества, которыми должна обладать идеальная девушка. Красивая, милая (а это не одно и то же?), забавная, добрая, с хорошим чувством юмора. На этом моменте Она всегда стопорилась. Чем измеряется чувство юмора? Как понять хорошее оно или плохое? Считается ли за наличие этого самого чувства умение смеяться над английскими комедиями и неутомимая любовь к дуэту Лори–Фрай? Но вот друзья её смеются над совершенно другими вещами и в компаниях их обычно ценят. А Она их шутки не понимает. Ей они кажутся плоскими, надуманными, пошлыми. Ладно, Она где-то вычитала, что важно, чтобы чувство юмора совпадало. Что ж... С этим ничего особого сделать нельзя. Какие ещё качества определяют девушку, вслед которой оборачиваются все мужчины от 10 до 60, и чьей улыбки готовы добиваться все белокурые и голубоглазые принцы со стальными мышцами и не менее стальными характерами? Ах да, она должна быть женственной, уметь слушать, хозяйственной и при этом легкой в общении, самостоятельной, но слабой, с сильным характером, который из неё не будет выпирать слишком ярко, своими убеждениями, принципами, но не слишком строгими... И что-то еще. Что-то важное Она упустила. Ах, опять. На такие вещи нужно тренировать память. А что если записывать полезные качества девушки на руке? Как шпоры перед важными контрольными в школе? Нет, отдает диснеевскими мотивами. Какая-то из принцесс так делала. Значит, в реальности вряд ли сработает.

Она покрутилась перед зеркалом раз в пятый или двадцатый. Недовольно наморщила нос. Стерла помаду шоколадного оттенка. Она сужала и без того узкие губы, превращая их в дождевого червя. Бррр. Нужен блеск. Вроде эффект влажных губ снова в моде? А какой оттенок лучше ягодный или натуральный розовый? А не будут ли губы слишком яркими и не сделает ли Она два акцента? Ужас! Это будет совсем уж дурной тон. Кто захочет общаться с девушкой со слишком ярким мейком, когда в моде естественность?!

Она решила сначала определиться с одеждой. Пять образов. Два платья. Две юбки. Шорты. Разные футболки. Разные прически. Сотня фотографий перед зеркалом. В разных позах. С разным светом. Тысяча сообщений дру-

зьям, начинавшихся либо с «SOS», либо «911». Как итог, каждому другу пришлось по вкусу разный образ. В конце концов Она вспомнила важный совет: «Оденьтесь на свидание по погоде. Нет ничего хуже синих дрожащих ног в мини-юбке, когда на улице –15 и дует промозглый ветер. Будьте уместной.» Легко сказано, однако для воплощения требуется много усилий. Но совет дельный. Выглянув в окно, Она увидела, что у солнца, по видимому, сегодня короткий рабочий день и оно ушло на час пораньше, сбежало с ненавистой работы. Как и Она. Над городом висели тучи точь-точь по оттенку подходящие цвету ее лица. Дул ветер, заставлявший брови сдвигаться все ближе и ближе к переносице. Погода совершенно не подходила под свидание. Но разве когда-нибудь это останавливало женщин на благородном пути поиска своего счастья и спутника жизни? Пришлось доставать джинсы, кросовки, сразу же нашелся стильный обтягивающий топ, обнажающий плечи, теплая куртка с капюшоном на случай дождя. Удобная сумка, в которую влез дождевик и деньги на такси. С макияжем и прической тоже было решено вмиг. Топ требовал только распущенных волос, а намечавшийся дождь обещал испортить любой макияж. Так что водостойкая тушь, стрелки, покрасить брови, нанести неяркий блеск, чтобы не отвлекать внимание от топа. Впору благодарить дождь, что проблема выбора так легко и безболезненно решилась.

Три часа. Три часа сборов. А Она идет в итоге в джинсах. Се ля ви. Время было рассчитано идеально. Опоздание на 10 минут учтено. Но вот проблема: Она стоит в назначенном месте в ТЦ, а прекрасного принца всё нет, и смски от прекрасного принца тоже. Она стояла и стояла. А время неумолимо быстро бежало вперед. Сначала одна минута, потом другая и так набежало полчаса. Она обошла все магазины на втором этаже. Но, о, чудо! Звук уведомления. Прекрасный принц пишет о жутком чудовище (читай: пробке), что задержало его на пути к принцессе. Но он борется с ним, и явится непременно, только вот принцессе стоит подождать. Терпение значилось в качествах идеальной девушки, и она стала ждать. Она нашла чудную лавочку и, провалившись в хитросплетения сюжета и интриги, что плела Бекки Шарп, спокойно и главное с пользой (качество идеальной девушки номер 8265921: не упускать ни минуты, всегда быть чем-то занятой) провела время. И снова чудо! Еще одна смс. Принц победил чудовище и ждал принцессу у фонтана. На беду Она обладала хорошим зрением (не важное, скорее даже ненужное качество для девушки) и вот прекрасного принца и не увидела. Она поняла, что три часа были потрачены впустую. Досадное обстоятельство, но, как говорится, се ля ви. Не для тощего парнишки со стрёмной прической и в застиранной синей футболке был надет модный топ, не для него найдены самые обтягивающие из имеющихся джинсов. Она фыркнула, пожала плечами, печально

усмехнулась и легкой походкой вышла из ТЦ навстречу зажигающимся фонарям и гудящим автомобилям. А на другой стороне от фонтана тоже стоял принц (правда белокурый и голубоглазый), ожидающий свою принцессу. И вот принцесса подходила к нему и он уже придумывал тысячи способов, как сбежать со свидания. Он подмигнул коллеге на другой стороне фонтана, указал на свою принцессу и шепнул: «Беги!» со всей страстностью и пылом, на которые был способен. Парнишка в синей футболке затравленно оглянулся, ища пути отступления, и быстро стал продвигаться к выходу. А белокурый принц начал набирать номер своего друга, который смог бы спасти его от принцессы.

А Она, вернувшись домой, распив с котом чаю, села за ноутбук и написала в фейсбуке, что выбирала наряд на свидание так вдохновенно и долго, что пропустила саму встречу. Говорить о том, что прождала принца больше часа было нельзя, и что принц попался неправильный тоже нельзя, а то её коти-ровки как идеальной девушки сильно упадут и тогда уж точно белокурые принцы на нее не посмотрят.

Р. S. Отберите у меня женские журналы. Они на меня дурно влияют: характер портится, язвлю, ругаюсь. А чтобы быть идеальной девушкой, характер должен быть золотой.

Вот так то.

Amour somnium breve

Она даже толком и не поняла, как это случилось. Он ворвался в её жизнь стремительно, легко, органично вписался в её ритм, в её окружение. Она не понимала этого до того момента, пока как-то совершенно обыденно он подошёл к ней и обнял сзади своими большими тёплыми руками, укутал в своих объятьях. А потом он вдруг неожиданно приподнял её и закружил по комнате, затопленной уходящим августовским солнцем. Они смеялись так громко и радостно, что от их смеха в её маленькой квартире смеялись стены, полы, потолки, шкафы, вместе со стоящими в них книгами и посудой. Смеялась люстра, смеялись ковры и стулья, смеялось даже солнце, и его лучи счастливыми брызгами разбегались по начищенному паркету.

В тот день она провожала бабушку на поезд. Она не хотела, чтобы та уезжала, не хотела отпускать её. Бабушка всё суежилась: забывала то паспорт, то ключи, то платок. А он находил их, и она злилась на него, что он всё находит. А потом они шли по вокзалу, она плакала безрадостно и бесшумно, но её рука была в его руке. И это казалось самым правильным и настоящим из того, что есть на свете. Она поняла, что влюбилась. Нечаянно, нежданно, но абсолютно точно. Впервые в жизни она поняла, что любит кого-то помимо своей семьи. И это было счастьем. Неужели после стольких неудач, после множества отношений, где она испытывала лишь уважение и нежность, она на исходе своих двадцати умудрилась влюбиться! Невероятно, но как же прекрасно. Она удивленными глазами, будто впервые увидев, смотрела на него.

— Что? — спросил он

— Ничего, — отвечала она, спрятав улыбку на уголках губ.

В тот же вечер, на душевной и шумной вечеринке, она рассталась со своим парнем, легко и светло сказав: "Знаешь, я наконец-то влюбилась и абсолютно счастлива. Будь счастлив и ты".

И ушла к Нему танцевать, потому что это было правильно. А потом гулять по ночному городу и целоваться в тёмных переулках...

Она проснулась. Бледно-серый ноябрьский свет больно резал по глазам. Она села на кровати, мотая головой, как большая лохматая собака, силясь проснуться и что-то понять. В груди разлились пока ещё необъяснимая грусть и чувство потери. Она помнила, что влюбилась, помнила, как это было прекрасно любить и быть любимой. Жаль, что влюбиться она смогла лишь во сне.

When you fall in love...

Утро понедельника, как обычно, не предвещало ничего хорошего. Это явление так же неизменно, как и то, что на Киевской в полдевятого будет настоящая пробка из людей. Видимо, потому даже Меркурий в этот день становится ретроградным и луна уходит в пятый дом солнца. Все боятся понедельника, тихо его ненавидят, но почему-то жить без него не могут, не меняют каждодневную рутину и с наступлением новой недели снова рвутся с жизнью в бой за свой кусок счастья. На самом деле я преувеличиваю, нет даже хуже, гиперболизирую. Если спуститься с утра пораньше в метро, например в Москве, то можно увидеть столько оттенков безразличия и усталости, сколько и представить себе сложно.

Я безбожно опаздывала, причем начала опаздывать еще на оранжевой ветке, когда поезд решил постоять а тоннеле, поэтому на кольце ворвалась в вагон со всей решительностью и всем отчаянием, на которые только была способна и в первые несколько секунд, прижатая со всех сторон к людской массе, задвинутая напиральной толпой к двери, я никак не могла отдышаться и осознать, что пока всё, погоня за временем закончена.

А потом я увидела его. . .

Говорят, что любви с первого взгляда не существует, что это банальная симпатия, которую романтические личности склонны преувеличивать и придавать ей некий флёр чувственности и загадочности. И я в принципе с этим привыкла соглашаться, ведь даже для формирования влюбленности нужно не только физическое притяжение и внешняя привлекательность друг для друга, но и притяжение характеров, интересов... А для этого человека требуется хоть немного, но узнать, поговорить с ним и уже по манере речи осознать, сможешь ли ты в него влюбиться или нет. Но, как обычно, было в этот день одно большое но, хотя, конечно, я сама не берусь дать какое-то определение тому чувству, от которого вмиг потеплело в сердце.

Стремясь стать поудобнее в вагоне или хотя бы занять сколько-нибудь устойчивое положение, я медленно разворачивалась и случайно сумкой задела молодого парня. И, конечно, я решила тут же извиниться, и на этом можно ставить точку и заканчивать рассказ.

И даже сейчас по прошествии нескольких дней я помню каждую деталь, секунду, миг, жест. И вот ты поднимаешь голову, ваши глаза встречаются, у тебя учащается пульс, расширяются зрачки, и ты, распознав симптомы и их испугавшись, резко и нелепо прячешь лицо в волосах и огромном шарфе. Но улыбка, улыбка против воли появляется на губах и легкими смешинками прячется в глазах, а подрагивающие ресницы и покрасневшие от смущения щеки выдают тебя с головой. Ты снова чувствуешь себя как в младших классах, когда тебя переполняют чувства, а ты и признаться не можешь и боишься, потому что все вокруг засмеют тебя. Но в этот раз все по-другому: каким-то пятым чувством ты замечаешь его улыбку и с огромной боязнью и надеждой снова поднимаешь глаза, чтобы посмотреть уже глазами на эту улыбку, видишь ещё и его отчаянно задранную вверх бровь, внутри тебя что-то взрывается и вмиг становится всё легко, понятно и просто. А когда ваши взгляды вновь встречаются, вас обоих пробирает такое веселье и смех, и улыбки уже не остановить. Вы оба всматриваетесь в каждую черточку, подмечаете малейшие детали (легкий пушок на щеках у нее, родинку над бровью у него) и впитываете, впитываете в себя эти детали, стараетесь затвердить на подкорке каждую черту в доли секунды ставшего таким родным и любимым лица. Кажется, что даже время остановилось и не осталось ничего вокруг в этом мире, кроме вас. И плевать, что вы зажаты в плотном кольце безразличных друг другу и самим себе людей, плевать на всё, кроме этого непрошенного чувства, подобного чуду. Вам двоим кажется, что прошло несколько часов, а то и дней, хотя в реальности всё заняло 3 минуты, ровно одну остановку метро от станции Октябрьская до Парка Культуры. А затем...

«Станция парк культуры, переход на сокольническую линию. This is park kultury...»

И все — вы снова чужие люди. Вы расходитесь по своим делам и жизням, чтобы никогда вновь не увидеться.

И не нужно тешить себя надеждами, о том, что вы рано или поздно встретитесь снова. Не встретитесь: жизнь — это не американская мелодрама с обязательным хэппи эндом. И нужен ли вообще этот счастливый конец? А если и встретитесь, то вряд ли узнаете друг друга, черты лица уже сейчас расплываются перед глазами, вы помните только мелкие детали, а общую картинку никак не получается собрать. И тем более не стоит из-за этого расстраиваться. Ведь у вас каждого за спиной отношения, привычные, знакомые, где всё, как на ТО (проверка движка, замена топлива), но вам с ними комфортно и вряд ли бы вы согласились их променять на что-то новое, незнакомое... Да вы и имён друг друга не знаете, да и не нужны они. Но, расходясь по своим делам, улыбка будет освещать ваше лицо и настроение будет просто заоблач-

ным, хоть день, хоть час, хоть пять минут. И во всем вокруг: и в лужах, и в еще не погасших фонарях, и в сером небе, и зданиях, в действиях и мыслях будет невероятная, непомерная легкость...

В Москву пришла весна.

Подъем в 6:30, впрочем как и всегда вот уже почти год. Быстрый взгляд в телефон, погладить сонного кота. Он опять презрительно прищурит свои жёлтые глаза и надменно отвернётся. Затем пройти на кухню и, пока пьёшь стакан холодной воды, выстоявшей ночь в серебряном кубке (не спрашивайте даже зачем это делать, очередной параноидальный родительский всплеск), любоваться аккуратными золотистыми прямоугольниками солнца, разукрасившими кафельный кухонный пол. Часы показывают уже 6:45, а значит, следует поспешить.

И вот ты уже выходишь из квартиры. На ногах старые кроссовки, потому что новые остались в общежитии в Москве, такие же старые лосины, в которых только на дачу и ездить, сверху старая ветровка, чёрная шапка... Но, кажется, чего-то не хватает, чего-то ставшего столь важным, что без него ты точно никогда не выйдешь из дома. Да, точно, на руки одноразовые перчатки, на нос многоразовую маску с забавными пузатыми котятами, которую заботливо сшила одна из маминых пациенток. Конечно, доктору ни в коем случае нельзя болеть, иначе... Впрочем не стоит о грустном.

Ты уже на улице, вдыхаешь через ткань тёплый ласковый апрельский воздух. Будто издеваясь, весна пришла к нам именно сейчас и развернулась в полную силу. Солнце кокетливо светит, прячась за ветвями деревьев, словно юная скромница. Почки робко, но неумолимо пробиваются, радуя глаз своей свежей зеленью. Ты останавливаешься на миг и вдыхаешь, и вдыхаешь этот чудный воздух, который приходит каждый год и каждый раз даёт надежду, и силы, и веру в лучшее. Ты никак не можешь им надышаться и, кажется, что тебе всё мало, что ты что-то недополучаешь, а ведь так и есть. Маска не даёт тебе в полной мере заполнить свои лёгкие кислородом, из-за нее ты в полной мере не можешь ощутить дыхание прохладного апрельского ветра, в душе начинает подниматься обида. Как? И тебя уже и этого лишили? Разве мало было им твоего привычного образа жизни, планов на лето? Но кто такие эти непонятые мы, кто виноват во всем случившемся? Да, никто, и ты прекрасно это понимаешь, никто ни в чем не виноват, так бывает. Это жизнь. А маски — они нужны. И разве это не честно? Впервые люди не скрывают, что выходя

из дома, надевают маски. . .

Полчаса пробежки в парке, и ты снова в родном подъезде. Подняться на нужный этаж. Открыть квартиру. Снять перчатки, сложить в специальный пакет в коридоре, который при следующем походе на улицу выкинут отдельно, снять ветровку, шапку, сразу же пройти в ванную, вымыть руки антибактериальным мылом, там же снять маску и в тот же миг постирать ее с антибактериальным мылом. Вернуться в коридор, достать отпариватель и обработать верхнюю одежду и обувь. Фух, вроде ничего не забыла? Нет, ничего. Теперь быстрый душ, завтрак на скорую руку, доделать дз, а времени все меньше и меньше, пары начинаются в девять.

В 16:50 ты, наконец, оторвешь свой взгляд от ноутбука, глаза будут нестерпимо болеть и слезиться, голова будет раскалываться на части, кажется, снова поднимается температура. И нет, это не потому что ты, несмотря на все принятые меры предосторожности, умудрилась-таки им заразиться, нет, это реакция твоего организма на восьмичасовой учебный день перед ноутбуком. Ты поднимаешь голову из-под горы учебников, которой оказалась завалена, мутным взором обводишь комнату, не до конца понимая, что же с ней случилось за 8 часов. Находишь в эпицентре разгрома несчастного кота, который пытался хоть как-то до тебя дозваться, и понимаешь, что уголки твоих губ немного приподнялись.

Обычно тебе еще нужно сходить в магазин или в аптеку, чтобы купить продукты и лекарства своим бабушке и дедушке, а также некоторым соседям, которым уже больше 65. Но сегодня особенный день, сегодня никому ничего не надо приносить. Но почему-то ты идешь к зеркалу и впервые за полтора месяца начинаешь краситься. И плевать, что за эти полтора месяца кожа отдохнула от макияжа, плевать на то, что за маской все равно никто ничего не увидит. Вся твоя душа, вся твоя внутренняя суть требует этих действий. Накраситься, надеть легкомысленную светлую блузку, длинную зеленую юбку, которую ты так и не успела выгулять, подобрать к образу украшения, уложить волосы, достать черные башмачки, не забыть, конечно, про маску, которую ты тоже подбираешь под образ, перчатки в тон маске — вуаля, ты готова к прогулке.

Нет, не подумайте, ты не собираешься ничего нарушать, ты идешь в парк, который прямо через дорогу от твоего дома. Но впервые за полтора месяца тебе это нужно, небольшой глоток свободы посреди неразберихи, запретов и скрытой паники. За сборами не замечаешь, как быстро прошло время и что на город уже начали опускаться сумерки. В легкой синей дымке ты доходишь до парка, вставляешь наушники и погружаешься в собственный прекрасный мир, мир, где нет пандемии, где нет масок и антисептиков, где властвует лишь магия сумерек. Ты оказываешься наедине с самим собой и впервые можешь спокойно думать об абстрактных понятиях и вещах. Завтра ты снова погру-

зишься в учебу, снова будешь мечтать об окончании периода самоизоляции. Но сегодня ты позволяешь себе жить этим самым мигом, этим весенним воздух, обманчиво обещающим перемены, и это то, что коронавирус у тебя не отнимет.

И вот ты идешь, слушая, как в динамиках Боб Дилан выпевает: «*Knock-knock-knocking on Heaven's door...*», — ты идешь навстречу разгорающемуся закату, не замечая, как за тобой один за другим вспыхивают фонари.

О снеге в Курске *и тех мыслях, которые он рождает*

Я стою и вглядываюсь в небо, ощущая на своих губах морозное прикосновение снежинок. И шепчу нежно нежно: «Люблю...» Произношу это снова и понимаю, что фраза просто требует продолжения. Люблю, люблю и... Ненавижу. И сколько бы ни произносила «люблю», всегда за ним идет «ненавижу». Что это? А это просто... Любовь к России. Кажется, словно каждый русский ещё со школьной скамьи приучается любить свою родину. Словами Лермонтова. Вы спросите, а разве это любовь? Иностранец, европеец скажет нет. Русский — да. И кто прав, и кто виноват? Да никто и ничто. Но просто так становится грустно, когда смотришь на один очередной проект Госдумы, понимая, что твой срок жизни сократился ещё на лет десять, в то время как в Европе они выбивают свои жизни и права из кабинетов министров. У нас существует понятие: "Я люблю родину, но не государство..." Глупость, скажет иностранец и будет прав. Раз ты любишь родину, ты любишь её природу, её жителей и их менталитет, их аполитичность и абсентеизм, приводящие к появлению на руководящих должностях профанов, не умеющих даже нормально воровать. Ты любишь их, и их грязь, мат по утрам, их хамство и чувство собственного превосходства над другими, называемое почему-то патриотизмом. И из-за любви своей ты ничего не можешь поделать, потому что знаешь и принимаешь, и влюблён в эти недостатки... Что ж поделать, повсеместная толерантность? Привила Европа нам на нагу голову бедовую. Отсюда эта ненависть пополам с любовью. Ненависть самих себя за бездействие. А может это просто лень, возведенная в черту национального характера? Ну уж точно не любовь. Потому что любовь приносит если не счастье и радость, то облегчение и в любом случае любовь заставляет стремиться быть лучше. А так, это болезненная, какая-то патологическая привязанность. Зараза, чума, прищуренным глазом сведшая всех с ума. А наши писатели называли всеобщее помешательство «загадочной русской душой», чтобы хоть перед ними, правильными, не боящимися правды, смелыми оправдаться... И откуда, но скажите только откуда, берется это внутреннее убеждение, осознание, что несмотря ни на что, у нас есть душа и мы лучше. Чище, искренней, правдивей. Чудовищный этноцентризм.

А может и правда, и плевать, что твердит во все уши глобализация, плевать на яркие картинки реклам, никто нас не поймёт. И это одиночество нации, целой страны рождает столь губительный, в первую очередь для нас самих, менталитет...

А может, это просто фантазии, бред, сказки усталого мозга, размягшего под первым снегом и серым беспросветным небом. Почему-то осенью всегда нападает хандра, или аглицкий сплин, которые даже пушкинские стихи и чашка глинтвейна неспособны излечить. И как жить там, где девять месяцев пасмурно на душе? Или это просто потому что перед новым годом, все трудности разом отступили, а ты ещё не успел перевести дух и понять как жить без них. И потому что-то мечется в душе, и в столь влажную погоду с наслаждением ждешь истерику. И хочется, чтобы слезы струились по щекам, и сердце кровью обливалось. А может я слишком устала, и сумерки, и приходящая с ними тьма утаскивают в неведомые дали мой, уже слабеющий разум...

Тем не менее, одна мысль не дает мне покоя. Я хочу, чтобы она прозвучала клятвой и клятвой навеки осталась. Я стану лучше, сильнее, умнее, ради тебя. Я буду бороться. За себя, за тебя, за нас. Не потому что ты или я достойны этого. А потому что я хочу здоровой чистой любви...

А вечер однако был поистине замечательным. Что-то волшебноморозное медленно и неотвратно разливалось в воздухе, опускалось на землю вместе с задумчиво кружащим снегом. В такие дни я всегда поражаюсь метаморфозам, которым подвергается Курск (в общем-то ничем не примечательный провинциальный город). Свежий снег, мягко урывая крыши, стыдливо пряча вездесущую российскую грязь, словно возвращает в те годы, когда Курск был губернским, в романтически воспринимаемое сейчас чувствительными людьми время. Также меня не может не поражать сколь много розоватых домов прячется обычно за серыми бетонными коробками, построенными в советский период. В туманной дымке снега и сероватого неба я и забываю о своей ненависти к этому городу, забываю, как тяжело здесь дышится. Снег скрывает всё черное и страшное, все гниюще-опасное, что засело в Курске с момента его строительства, так же, как снег прячет чернозём. А, казалось бы, случилось то всего ничего... Снег выпал. А я снова на пороге того чувства, что некоторые именуют влюбленностью...

А между тем темп нарастал. Снег шел уже не маленькими смешными каплями, а летел стремительно вниз целыми хлопьями. И вот уже не осталось ничего кроме белого одеяла, укрывшего неоновые вывески, скамьи в парке, голубей, розовый цвет позорно сбежал уступив белому. Он приостановил движение на улице. В парке вообще установилась непроницаемая тишина. И в том задумчивом молчании снег был то ли саваном, то ли подвенечным нарядом. Он то ли предрекал скорую гибель маленького городка, то ли наоборот обрекал на светлое будущее и счастливую и долгую жизнь...

Вовремя

Ещё в 10 лет случайно прочитав «Анжелику» из бабушкиной библиотеки (на тот момент все, что могла, я уже прочла, а книга в такой красивой серебристо-голубой обложке с таким красивым тиснением, так и манила прикоснуться к ней, снять с полки, раскрыть страницы и погрузиться в ее пока ещё мне неведомый мир), я поняла, что существуют вещи: книги, слова, фильмы, эмоции - для которых есть свое правильное время. Это очень важно, чтобы о некоторых понятиях мы узнавали в нужное время, когда наш эмоциональный и умственный опыт позволяет нашему же сознанию все переварить, правильно понять и усвоить без надрывов, потрясений и получения детских травм. Говоря про Анжелику, я получила, на мой собственный непрофессиональный взгляд, детскую травму. Я ещё очень долго не могла читать ничего, содержащего хоть малейший намек на секс, и к тому же, выросла жуткой ханжой. По прошествии времени, повзрослев, я поняла ещё один важный момент касаясь понятия «вовремя»: быть уместным, пунктуальным, даже просить о помощи у какого-либо человека в удобное и приятное для него время — важный и полезный навык, который стоит развивать всем без исключения. А потому на суд читателей я предлагаю свою абсолютно правдивую историю, а какие делать из нее выводы и делать ли их вообще, решать вам.

Сразу следует сказать, что отношения с матерью у меня нормальные, ну... как у всех детей, чьи родители, страдают гиперопекой. Даже когда мне стукнуло восемнадцать, в мамином присутствии я не переставала чувствовать себя маленькой и глупой девочкой, которая ничего не знает о злом и страшном реальном мире. И вот так случайно вышло что, когда я уже училась в университете, нам с мамой пришлось жить вдвоем, считай, запертыми в трехкомнатной квартире. Конечно, за то время, что я жила от нее отдельно, ее акции на рынке моих авторитетов сильно упали. Где-то глубоко внутри, на интуитивном уровне, она почувствовала это и, как всякий родитель бессознательно захотела вернуть им прежние позиции. Вспомните своих бабушек и дедушек и то, как они постоянно, капризно требуют вашего времени и заботы. Мама начала делать также: она неотступно и неусыпно гонялась за моим

вниманием. Она вечно в чем-то нуждалась, ей всегда была нужна моя помощь: будь то, простое открытие банок с соленьями или же желание посидеть вместе перед телевизором и скрасить вечер тяжело трудившегося весь день человека. И сколь много внимания я ей ни уделяла, как много бы времени ни проводила вместе с ней, ей всегда было мало. В конце концов, у меня была и своя жизнь, и свои дела. И в конце-то концов мне нужно было делать домашку по универу! Проблема была ещё и в другом: она всегда просила помощи именно в тот самый момент, когда я была очень занята. Пример? Да легко, пожалуйста. Ей нужно было распечатать документы вот кровь из носу прямо сейчас, которые могли подождать и до вечера, именно в тот момент, когда я решала домашку по дифференциальным уравнениям и которая у меня не сходилась, а дедлайн был через пару часов. Да, я все сделала, да, я распечатала ей эти документы, но с каким скандалом и с какой нервотрепкой.

И так продолжалось довольно долго, отгремел май со своими грозами, в июне чуть распогодилось, солнце робко проглядывало сквозь тучи и радовалось взгляду. Наступила пора, когда наконец-то можно было гулять, да и режим самоизоляции, то бишь карантин, перестал быть таким строгим: открывались торговые центры, магазины, повеселевшие люди всё большими и большими толпами высыпали на улицы. Наступала удивительная пора. . . Для всех, кроме студентов. Для нас, так как я все ещё отношу себя к этой братии, июнь месяц означал одно — неумолимое приближение сессии, а перед ней — зачетную неделю. Я благополучно зазубривала для первого экзамена по английскому пять огромных текстов на 1,5 тысячи слов и около двадцати штук маленьких. Успешно отговариваясь подготовкой к экзаменам от выполнения странных и глупых просьб и тем не менее помогая с адекватными делами, я потихоньку готовилась к сессии. В середине недели ударила жара: плавился асфальт, плавилась люди, которые по нему ходили, все уже забыли о том, как недавно жаловались на дожди и холод, и втайне мечтали о том, чтобы жара кончилась. К концу недели, то есть в пятницу сидеть дома (даже под кондиционером!) и в сотый раз повторять: « . . . who also learned his trade on the streets. . . », стало совсем уж невыносимо. И вечерочком, часиков в семь, я выбралась погулять. Я шла по улицам в легком летнем платье, чувствуя себя Маленой из одноименного фильма, наслаждалась застывшим от жары розово-фиолетовым небом и попутно проговаривала про себя фразы из английских текстов, хотя и в моей голове, и в моем сердце звучали совершенно другие слова.

Но вдруг красоту вечера перечеркнул противный пиликающий звук телефона. Звонила мама. Я специально перевела телефона из беззвучного режима в нормальный. Интуитивно предполагая, что могу ей снова понадобиться. Я взяла трубку.

— Да, мам.

— Ты дома? Ты мне будешь нужна минут через пять. Это срочно. Слышишь? Срочно!

Я ускорила шаг и параллельно пыталась разузнать, зачем я ей понадобилась. Стоит упомянуть, что от дома я отошла хоть и недалеко, но ощутимо (Я находилась на расстоянии пятнадцати минут ходьбы). Оказалось, что она тащила откуда-то ходунки для бабушки, и я ей была нужна, чтобы вынести из дома ключи от машины, ведь она была в полной уверенности, что весь вечер я просидела дома, как прилежная девочка, зубря тексты. Пока я пыталась ей объяснить, что я не дома и почему и как вообще так вышло, что я появилась вдруг где-то вне дома, я перешла на бег. Потом я слушала, как мне выговаривают, что вечно я не рядом, когда нужна, что помощи от меня днем с огнем не сыщешь, я начала бежать ещё быстрее. Я чувствовала, что мне кровь из носу надо быть дома через пять минут, чтобы сохранить статус-кво наших отношений. Я сбросила вызов и побежала изо всех сил, но очень скоро выдохлась. А мне оставалось ещё полпути. И тогда в мою бедовую голову пришла, как мне тогда казалось, гениальная идея. Я видела, что к остановке на другой стороне улицы подходит троллейбус, идущий в мою сторону. И в тот момент меня не волновало, что налички у меня не было, что в карманах не нашлось бы даже одной самой завалявшейся пятидесятикопеечной монетки. Светофор поменял свой цвет на «зеленый», все складывалось удачно, я вбежала на пешеходный переход, не посмотрев как следует по сторонам. Вот и все. Конец. Встречный водитель не имел привычки тормозить перед остановками и пешеходными переходами, я выскочила внезапно, он этого не ожидал. Меня сбило на скорости 80 км/ч. Как легко догадаться, насмерть.

P. S. Она узнала о смерти дочери только через полчаса. Когда дочь не появилась около подъезда ни через пять минут, ни через пятнадцать, Она забеспокоилась. Она звонила и звонила, пока один из гаишников не взял телефон из маленькой черной бархатной сумочки с золотым бисерным узором посередине. Он ответил, вот только к ответу Она не оказалась готова.

Love story

They first met in 1947 in Paris in a club called “The club of five”. Her friends set her up with him. It wasn’t love at first sight. She was very short like a sparrow, and everyone called her a Sparrow. She was a good-looking woman with a petite and yet shapely figure. She got heart-shaped face with very thin eyebrows and the curly helmet of bushy jet-black hair. He was tall (about six feet) and burly. His olive skin, wide black eyebrows and curly dark hair gave away his Algerian origin. They just got acquainted and that’s all. They didn’t met on the other day, he didn’t ask her out on a date. He thought that she hadn’t even remembered his name.

They didn’t see each other again they both came to New-York. She had a concert there. One day he called her when she was already going to bed, he introduced himself and said: “We met at the Club of Five, I’m a boxer”, and asked her out on a date. He took her out to a very cheap eatery, where they had to icecream as the other food was disgusting. But soon he realized his mistake and took her to the lavish restaurant called “Le Gurme” — the most popular restaurant in New York boasting its french quisine. On the date every time their eyes met, they both felt butterflies in their stomachs. They talked about everything and soon they both realized that they had a lot in common. No, they didn’t share the same interests and tastes in everything, because it was a real love story, not the one you might see in a Hollywood movie. She was the daughter of the streets who made good - so good that she conquered the United States and the rest of the world with a powerful, throbbing voice that contrasted with her tiny, frail body. He was the fighter who also learned his trade on the streets and who won the world middleweight championship, taking the title away from Tony Zale at Jersey City’s Roosevelt Stadium in 1948. He was the idol of the French, the hero the country needed for the restoration of national pride that had been so badly dented during the war. Besides, they both were very much into their work, into their career. They knew what the glory was like and that’s why I think, they connected in so many ways that it astounded them. I believe, that it was the first time for both of them they felt that kind of love and understanding. I’m sure that they were soulmates, that they belonged together.

After that date they started going out, their relationship soon became a very public melodrama. However, their relationship wasn't stormy, they didn't fall out over minor things, they got along fine together. They were head over heels in love with each other, it wasn't just a crush. The weeks passed, they were having fun in New-York, walking, eating icecream, spending time in entertainment parks. Sounds great, doesn't it? But their fans, their relatives and especially their close friends were confused and didn't approve of both of them. You may ask why and I'll easily answer it. He was married with three children, but for her it wasn't a deal-breaker. She had been married many times for both love and convenience, she was a bit tired of that. She didn't see the point in being the bride, in having a bachelor party, in a lavish White wedding. She didn't want him to divorce with his wife, she didn't want to separate him from his family, to take the father from the children. She just loved him and wanted to be with him for better, for worse, forever.

But then things started go wrong. Some newspapers started publishing unpleasant articles about their relationship. And he, as thought himself as a gentlemen, had to organize a press-conference. It was the shortest conference in the world. He said: "She is my lover but only because I'm married. If I wasn't, I would propose to her". Next day newspapers published no articles about them.

In October 1949 she was again in New-York, having a concert. He was going to meet her there in a week. But she called him and begged to fly to her immediately despite of his fear of flights. He bought tickets for the first plane... It was an air crash, no one survived. She was heartbroken.

She was Edith Piaf, he was Marcel Cerdan and this story was about how the song "*Hymn a l'amour*" was created.

Часть II

Зарисовки из жизни

Кажется, в земной литературе был такой жанр, как романтическая поэма. Но самое интересное заключалось в том, что композиция поэмы называлась вершинной. Она открывала читателям только самые значимые события в жизни героя. Если бы мы могли нанизать нашу жизнь на нитку, она бы вся там не поместилась. В любом случае пришлось бы удалять ненужные события, незначительные элементы. Мы бы снова оказались перед выбором. Что бы мы оставили? Готова побиться об заклад, что больше всего там было бы глупых, но красочных моментов, во время которых мы чувствовали себя счастливыми. Потом добавились бы пара тройка тайн, капля истерик, воспоминание о первой любви, события, заставившие нас задуматься, переосмыслить себя (конечно, если таковые были в нашей жизни). Но были бы нанизаны на нить нашей жизни улыбки прохожих, лица первых встречных, ступеньки в подъезде, листья деревьев, каждодневный завтрак? Да и зачем? Это ведь *наша* жизнь. Мы вспомним только то, что было важно для нас. А все остальное сотрётся со временем, будто этого и не было вовсе. А какой смысл тогда в этом? Почему все это случается каждый день? Эти прохожие, их улыбки и слезы? Зачем все это происходит, если забудется через день или час?

Когда мне было двенадцать лет, я неожиданно поняла, что странно охладела к миру, к людям, к событиям. Например за полгода до того как меня озарило понимание, я приехала в летний лагерь. Знаете, обычный летний лагерь с полной антисанитарией, плохой едой и курящими втихомолку подростками. Я поехала с друзьями. Они у меня люди очень активные и яркие. Им нужны приключения и развлечения, постоянное движение. Иногда мне кажется, что они сумасшедшие, но я упорно стараюсь этого не замечать. Не знаю как, но я все же поехала в этот лагерь. Говорю сразу в первые дни мечтала просто оттуда сбежать. Общая еда, одежда, косметика, обувь, сигареты, мыло и шампуни, ввели меня в ступор. Но была во всем этом безобразии одна вещь, из-за которой я решилась остаться. Танцевальный конкурс. Я с детства обожаю танцы. Как-то раз еще в детстве на рынке звучала музыка и я начала танцевать прямо там посреди улицы. Мама говорила, что прохожие стали собираться вокруг меня, многие искали шляпу, куда можно было бы бросить деньги. Но я не была попрошайкой, мне не нужны были их деньги, я просто танцевала. Для себя. После этого меня отдали на танцы, я увлеклась ими всерьез, пока однажды делая стойку не сломала руку. Семейный совет назвал танцы опасными и я перестала даже думать о них. Но там в лагере у меня появилась возможность снова испытать эту свободу. В танце есть только ты, музыка и движение. Ничего больше: ни дурных мыслей, ни глупых сомнений. К этому конкурсу я готовилась две недели, упорно тренировалась, купалась в этой атмосфере. Потом наступил сам конкурс. Я не выиграла. Я знала, что не выиграю, я слишком давно не танцевала, да и не ради места все это затевала. Но меня поразило больше, что когда я танцевала в тот день я перестала чувствовать. У меня не было эмоций. То, что раньше рождало во мне бурю эмоций, теперь не вызывало ничего. И когда, мне вручали бумажку, с надписью о моем втором месте, мне уже было все равно. И уже через несколько недель, когда мама спросила: «Ты не злишься на нас за то, что мы заставили тебя отказаться от танцев?». Я честно ответила: «Нет. Мне уже всё равно.» С этого дня я перестала испытывать чувства, если это можно так назвать. Я не стала

холодной, нет, все было намного хуже, я стала безучастной ко всему. Меня перестали узнавать друзья. Да и мне стало с ними тяжело. Я находила глупыми и бессмысленными все их поступки, слова... Я перестала замечать, что вокруг меня вырастает стена отчуждения. Я постепенно становилась тенью, будто *меня* уже не было. Отрезвила меня фраза, случайно увиденная в какой-то книге: «Когда человек утрачивает чувства, он становится зверем, потому что вместе с чувствами утрачивает и душу. Он становится равнодушным. А кто может быть хуже равнодушных людей, способных пройти мимо чужого горя?» Я испугалась. Неужели я такая? Неужели я стала хуже зверя? В тот миг я твердо решила собирать моменты, которые заставили меня что-то почувствовать. И этот первый безотчетный страх был первым в моей коллекции. Потом туда добавились восхищение перед красотой неба, чувство теплоты и защищенности маминых объятий, нежность солнечных лучей в полдень на паркете и многое другое. Со временем коллекция чувств стала коллекцией красивых моментов. Розовый закат на море, цветение вишни, волосы на ветру, тюльпаны во время майского ливня... Но в двенадцать лет я увидела подлинную утонченность. Была зима, причем зима с большой буквы. За два дня навалило снега по колено, а потом в течение недели светило не греющее солнце, и снег нещадно слепил глаза. Я шла через парк. Вечером, часов в пять. Солнце уже собиралось прятаться. Оранжевое небо с розовыми облаками, поверх которых встают ветви деревьев в иное, само по себе отличное видение, но было там еще нечто. На снегу, прямо на дороге лежал не до конца раскрытый бутон кустовой розы нежно-бежевого цвета. По краям цветок был уже коричневым-верный признак увядания, но еще не утратил своей прелести. Он лежал один на девственно белом, сверкающем, словно бриллиант снегу. Один, уже умирающий, но все еще прекрасный. Я подняла его к небу. Он встречал свой Закат. Не могу передать тот вихрь эмоций, что захватил меня. Если бы я была поэтом, я бы смогла сочинить прекрасное стихотворение. Если бы я была японским философом, то сочинила бы хокку. Если бы я была художником, то нарисовала бы целую картину, но я никто. Мне ничего не оставалось, кроме как любоваться этим моментом, впитывать каждую его деталь и надеяться, что он никогда не сотрется из моей памяти. Я была одновременно и зла на людей, посмеявших сорвать еще не раскрытый бутон, и благодарна им за то, что позволили увидеть этот миг...

Я терпеть не могу общественный транспорт. Эту пытку мог придумать только извращенный человеческий мозг, оправдывая ее создание облегчением человеческой жизни. Особенно я не люблю автобусы. Метро я еще терплю, только там можно до конца прочувствовать этот особый аромат спешки и невнимательности друг к другу, свойственный всем городам. А автобусы? Жуткое творение, убивающее всякую любовь к людям. Но есть у него одно замечательное свойство, оно выводит на свет все наши пороки. Но сейчас мы не об этом. Однажды мне не посчастливилось добраться до дома именно на автобусе. Конечно, можно было бы идти и пешком. Но зимой, по льду, пешие прогулки не доставляют особого удовольствия. Еще одна причина, почему я так не люблю автобусы: как мужчине, мне всегда приходится стоять. Я стоял, и в который раз проклинал московские пробки, как вдруг на остановке (Наконец! Мы до нее добрались!) в автобус вошла девушка. От нечего делать я принялся её рассматривать. Простое пальто, джинсы, черная шапка, из-под которой выглядывают каштановые волосы. Обычное русское лицо, но только от чего-то очень грустные глаза. Она села позади. Перед самым выходом я обернулся, чтобы посмотреть на неё. Мне не давали покоя эти грустные глаза. По её лицу текли слёзы. Но она словно и не замечала их, она была погружена в себя, в свои чувства. По дороге домой я все никак не мог забыть её. Я не понимал, какие чувства поглотили её настолько, что она даже не замечала слёз. Была ли это тоска, печаль, грусть, боль, обида, облегчение? А ведь она еще маленькая. Я бы удивился, если бы ей было двадцать. Я сам последний раз плакал ещё в детстве, да и то от глупой обиды на родителей. Да что же такое происходит с нашим миром, что столь юные создания начинают плакать? На миг мне захотелось стать её героем, совсем как в детстве. Я хотел защитить её от слез. Потом сообразил, что защищать нужно не от слез, а от того, что их вызывает. После возмутился, тем, что рядом не было никого из близких ей людей, которые бы просто смогли её обнять, поддержать одним словом. Но некоторым людям становится ведь легче, поплавав в одиночестве. Слёзы — это выражение чувств. А может она переживала совсем по глупой причине? Сломала ноготь, каблук,

не сдала зачёт, а я тут ищу для неё красивые чувства, оправдания, в которых она не нуждается. Но что-то в её образе меня остановило. Она была столь сосредоточена, поглощена чем-то. *Так* не могут плакать из-за глупости. Хотя, не знаю... Жаль, что мы никогда не сможем до конца понять другого человека, даже если он нам очень близок.

Говорят, старость наступает тогда, когда стареет душа. Эта фраза преследовала меня всю мою жизнь. И сейчас я могу с уверенностью сказать: «Не верьте!» Чушь! Глупость! Че. Пу. Ха. Когда ты стал слаб настолько, что любое движение доставляет тебе боль, когда ты уже не можешь сесть на велосипед, потому что твои кости истончились, когда не можешь выходить на пробежки по утрам, а всё, что тебе доступно, это степенный кружочек по парку, после которого у тебя появляется одышка, и врачи запрещают тебе крепкий кофе, а зрение слабо настолько, что ты не можешь без очков прочесть ни строчки из любимой книги, то никакая молодость духа вас не спасёт. Уж поверьте моему опыту. Каким бы молодым в душе ты не был, но если время забрало твою телесную молодость, то всё. Тушите свет и ложитесь умирать с чистой совестью! Остается лишь каждый раз смотреть в отражение на зеркале и каждый раз видеть там уже другого человека, который не живёт, а доживает. Как жаль, что у нас запрещена эвтаназия. Почему? Для людей вроде меня это наилучший способ остановить мучения. Да, я слабая. Я боюсь старости, но не боюсь смерти. Смерть принесет облегчение. Я не верю ни в Рай, ни в Ад, ни уж тем более в Бога. Я всю жизнь положила на алтарь науки, так пусть теперь наука обеспечит мне безболезненный уход. У меня нет семьи, детей, внуков. Я одна. Родители умерли ещё давно. Обзаводиться семьей я не хотела в то время, а потом стало слишком поздно. Мои студенты имеют своих родителей и свои семьи, чтобы заботиться еще и обо мне. Так зачем мне длить свои мучения? Из-за глупой боязни и гордости. Кому я нужна? Сама покончить жизнь самоубийством я не хочу, да и не смогу. Вены режут и выбрасываются из окон молодые, пить снотворное не надёжно, мне нужен яд, хороший, сильный. Но где я его возьму? Да и что я напишу в своей предсмертной записке? В своей смерти я никого не виню. Умираю сейчас, потому что не хочу умирать от старости. Смешно, не правда ли? За всеми этими размышлениями я вышла на улицу. Ужас, сколько я шла! Раньше мне хватило бы и десяти секунд. А сейчас, эх... А вокруг меня был чудесный зимний полдень, вернее вечер. Солнечные лучи уже окрасили всё в оранжевый. На улице стоял крепкий мороз. Одно меня радует. Я живу рядом с парком и могу гулять

в свое удовольствие даже сейчас. Я медленно брела по дорожкам, сравнивая себя Бабой Ягой из вступления к Руслану и Людмиле. Меня обгоняли молодые парочки, подростки, студенты, мамыши. Я нашла для себя скамеечку и присела, чтобы перевести дух и справиться с одышкой. За скамейкой я заметила замерзшую лужу. Малышня, видно, уже потопталась по ней. Не знаю, с чего вдруг, я встала, подошла к луже и осторожно, чтобы не поскользнуться и не получить перелом шейки бедра, ступила на лёд. Потом, поддавшись какому-то глупому порыву, топнула ногой. Я повторила это ещё раз, только не слегка, как в первый раз, а вложив всю силу. С наслаждением услышала хруст льда, а потом расхохоталась громко, сильно, как в детстве. Повезло, что меня никто не заметил, потому что если бы заметили, то непременно отправили бы в психбольницу. Но мне было хорошо, как в детстве, и очень тепло, и уютно. Не было больше отчаяния. Наверное, я впала в детство, как все старики. Не знаю, хорошо это или плохо, но если в моей старости будет больше таких моментов, то может мне и удастся спокойно дождаться смерти, не сильно мучаясь?

Мы никогда не обращаем внимания на людей, которые выполняют монотонную работу. Да, да вы угадали, я сейчас говорю о фабричных рабочих. Они каждый день делают одно и то же, одно и то же. Из года в год, пока сами не становятся как фабрика, на которой они работают. Мы презрительно кривим носы, услышав об этих людях и их трудностях, но, тем не менее, они тоже люди. И они тоже, как и мы ходят в те же магазины, смотрят те же телепрограммы и фильмы, читают те же книги. Нередко среди этих людей можно найти удивительных философов, ведь однообразный труд способствует раздумью. Им ничто не мешает анализировать, мечтать, ведь нужно же как-то заполнять мозг в то время, как руки делают что-то совершенно автоматически. Мы не любим таких людей, ведь у них была возможность изменить свою жизнь, но они упустили свой шанс. Стоило прилежнее учиться в школе, настоять на своем в каком-то споре и жизнь была бы другой... Не правда ли? Фабрика сменилась бы офисом, и всё осталось бы также. Человек так и не поднял бы головы и не посмотрел на небо. Он бы снова погряз в своих проблемах. Но был бы он несчастен? Мы не любим таких людей, потому что они счастливы и без высшей цели в жизни, они не мучаются вопросами о смысле жизни и своей цели, они не ищут ответов. Может мы просто завидуем им? Их спокойствию, их счастью. Может от того мы ищем цель, потому что не смогли найти свое счастье? А были ли мы созданы, чтобы просто быть счастливыми? Не слишком ли это просто? Я не верю в это. Я знаю, что весь наш монотонный труд, каждодневные проблемы — все это нужно, чтобы заполнить пробелы, создать почву для того, чтобы родилось что-то великое. Когда-нибудь я надеюсь, я увижу результаты всего этого. Но пока единственное оправдание, которое я могу найти для существования прохожих, ежедневных ритуалов и даже написанных мною слов — вера в то, что мы нужны для чего-то большего, нежели тихое счастье. Когда-нибудь это станет нужным. Всё это. Кому-нибудь. Для всего в этом мире есть цель. По крайней мере, я верю в это. Аминь.

Дмитрию Ивановичу совсем недавно исполнилось тридцать пять лет. Свой день рождения он праздновал в компании пяти друзей, которых считал полными идиотами, и собаки, которая досталась ему от старушки матери и немного от него требовала. Празднование вышло не очень помпезным. Раскрыли всего ящик плохого пива, да одну бутылку шампанского из супермаркета, потом до трех ночи резались в карты, и, уходя, каждый гость подумал, что что-то не так было в этом празднике, а может уже слишком поздно для шумных вечеринок. Дмитрий Иванович, как с ноткой легкого презрения произносил его имя заведующий цехом, отпраздновал свой день рождения в пятницу утром, а в субботу рано утром ему уже нужно было отправляться на работу.

Итак, он встал в полшестого утра в субботу и медленно побрел в сторону кухни, вяло включил телевизор и с не меньшей вялостью заварил себе крепкого растворимого кофе. По утрам он всегда смотрел новости, но звук предпочитал ставить на минимальную громкость, чтобы не слышать противного голоса ведущей, но атмосфера пустоты и одиночества на кухне как бы пряталась за это тихое жужжание телевизора. Обычно в это время походкой не менее ленивой, чем её хозяин, на кухне появлялась Лайма. Дмитрий Иванович сам не знал, почему мать так назвала свою собаку и, если честно, не хотел знать. Лайму он принял спокойно, как если бы она подставкой для зонтиков или еще каким-нибудь предметом интерьера. То есть он понимал, что Лайма существует в его жизни только, если её требовалось покормить или выпустить на улицу. Заметив собаку, он чуть приподнял брови, словно увидел её впервые в жизни, что, кстати, делал всегда, когда видел Лайму. Кто знает, может так он приветствовал её и говорил спасибо за то, что она скрашивала последние дни жизни его матери. Дмитрий Иванович поднялся со стула, покорно прошлепал босыми ногами по холодному линолеуму до двери, открыл её и сделал странный жест рукой вперед, как бы говорящий: «Ну, иди, псина! Давай, шевелись!» Лайма, как и все дни до этого, встала ровно в дверном проеме, принялась, почувствовала новый день. Потом подняла морду на хозяина, и своими грустными глазами заглянула в его, выглядевшие пусты-

ми и бывшие какого-то неопределенного цвета. Так они простояли несколько мгновений, показавшихся бы стороннему наблюдателю вечностью. Этот ритуал повторялся каждый день. Лайма каждый раз стояла в дверном проеме и жалела хозяина. Он был неплохим человеком, но он словно вовсе и не жил. Лайме хотелось что-то сделать, чтобы ему помочь. Но что она могла? Она была всего лишь собакой. А люди редко слышат тех, кто ниже их самих и редко видят дальше собственного носа. Потом Лайма опускала голову, разворачивалась и топала к выходу, свесив хвост, а её длинные уши подметали пол, вся её фигура выражала какую-то прямо человеческую боль и скорбь по жизни, которая могла бы быть у её хозяина и которую он так и не получит. А Дмитрий Иванович провожал Лайму глазами, затем быстро одевался, чистил зубы, брился, если это было необходимо и, надев повседневную маску обывателя, уходил на работу, предварительно заперев квартиру и положив ключ соседям под коврик. Ему доставляла радость мысль, что у его соседей есть ключ от его квартиры, но войти в неё они не могут, потому что не знают об этом. Эта глупость заставляла уголки его губ чуть-чуть приподняться вверх и соорудить что-то наподобие улыбки.

Он выходил на улицу, делая вид, что идет выполнять очень важную и ответственную работу. До работы ему было десять минут размеренного пешего шага, что в молодости представляло предмет его гордости. Но сейчас он бы не отказался от проезда в общественном транспорте, чтобы окунуться в атмосферу города и избавиться от давящего на душу одиночества, преследующего его уже в течении десяти лет. Но вот он уже стоял перед конфетной фабрикой, на которой он трудился с того времени как его начало преследовать это ощущение одиночества и бездарно прожитой жизни. Как будто в тот день, когда он пришел на эту фабрику, его жизнь потеряла смысл. Конфетная фабрика располагалась в пригороде, чтобы не отравлять и без того загрязненную атмосферу этого небольшого провинциального города. Дмитрий Иванович приехал в этот город сразу после окончания школы. Тогда он казался ему чуть ли не столицей. Он поступил в колледж, стал кем-то вроде инженера-технолога. На фабрике он выполнял чуть ли не самую простую работу. Он следил за большими машинами, которые полностью однажды вытеснили людей. Но машины не вечны и тоже когда-то выходят из строя и совершают ошибки. В его задачи входило отслеживать неисправности, а потом исправлять их. За пятнадцать лет работы он еще ни разу ничего не исправлял. Машины были хорошие немецкие качественные, закупленные по самой высокой цене. Он чувствовал себя сторожем.

Его рабочий день начинался в шесть утра. Он переодевался в рабочий костюм, совершал обход. Потом садился на маленький стульчик перед мониторами и глупо пялился на них до двенадцати часов. Двенадцать часов — время обеда. За пять минут он доходил до дома, запускал Лайму и садился

за непритязательный обед, содержащий суп, макароны и чай для него и собачьи консервы для Лаймы. Потом он двадцать минут смотрел в телевизор, не разбирая смысл слов и фраз, которые произносили ведущие. А дальше снова десять минут — и он снова на работе, теперь уже до семи вечера.

Если для кого-то в час дня уже заканчивался обед, то для некоторых личностей в это время только-только начиналось утро. Вернее, для них час дня это как пять утра для школьников, учащихся в первую смену. Но сегодня Алекс проснулся что-то рано, а всему виной Мария Петровна, пришедшая раньше обычного времени. Она была единственной, кому он не смел дерзить и на чьи слова никогда не оговаривался. Ей было около шестидесяти лет, но она все ещё была сильной и имела огромное желание работать. Она всегда убирала в доме его семьи, она нянчила и воспитывала его, знала его привычки, любимые блюда, ей он поверял свои тайны, от неё единственной даже сейчас получал подзатыльники и всегда был рад её приходу. Он любил её больше чем родную маму, которая, если честно, вспоминала о том, что у неё есть ребенок только тогда, когда её подруги, сидя в спа-салоне, спрашивали, следуя правилам приличия: «Как там поживает твой очаровательный сынок?» Она сначала даже не понимала, о чем они говорят, и только потом, вспомнив, что двадцать лет назад дала жизнь одному человеку — событие, которое она помнила только потому, что поправилась тогда на десять килограмм, и это её раздражало.

Итак, Алекс проснулся в час дня, улыбнулся Марии Петровне, получил от неё ласковый подзатыльник и, чуть не запутавшись в одеяле, прошествовал на кухню, чтобы выпить чашечку горячего свежесваренного кофе по всем правилам. Он, как обычно, разблокировал телефон и с легкой улыбкой просмотрел новости. Оказалось, что вчерашняя вечеринка была то, что надо. Хорошо, что он вовремя ушёл, иначе утро провел бы не так комфортабельно в обезьяннике, как его менее удачливый друг. Открылась кухонная дверь, вплыла Мария Петровна и, нежно посмотрев на Алекса, предложила: «Сашенька, солнышко, а почему бы тебе сегодня не сходить на пары в университет? Тебе все же следует хотя бы иногда там появляться. Я знаю, что ты скоро снова поедешь в Англию, но удели, пожалуйста, время своему российскому образованию.» Алекс улыбнулся ей, взъерошил свои волосы и, поцеловав её в щеку, потопал в душ.

Здесь, в России, он вёл крайне распутную жизнь, но там, в Англии, он чувствовал потребность учиться и учился. Там было намного интереснее, и жизнь казалась настоящей. А дома он словно погружался в долгий сон. Наверное, это случалось от того, что дома он никому не был нужен. Раз в год он на месяц возвращался в Россию, сдавал экзамены и снова возвращался туда, где для

него жизнь была ключом. Жизнь здесь была для него каникулами, казавшимися порой бесконечными. И всё же, хотя это и не входило в его правила, он решил заглянуть в университет в субботу, чтобы порадовать Марию Петровну. Как раз в этот день в три часа был английский. Хорошо, можно будет поспать. Он гнал свой спорткар по городу, не обращая внимания на знаки дорожного движения. Всё равно он хорошо водил машину, и его реакция была превосходной.

В шесть вечера закончилась лекция, Алекс славно поспал на последнем ряду и сейчас чувствовал прилив сил. Пришло гневное СМС от отца за агрессивное вождение по дороге в университет. Губы прорезала жестокая ухмылка. Это его месть отцу за пренебрежение им в детстве и огромное количество любовниц, которые всегда издевались над Алексом. Полгода назад он сказал отцу, что тот получил сына, которого заслужил. Отец быстро замолк. Видимо, за ним и в самом деле водились большие прегрешения. И снова губы Алекса расплылись в улыбке. На этот раз озорной. Он уже предвкушал веселье. Вечером будет грандиозное пати за городом. И ему не хватит трёх часов, чтобы как следует подготовиться.

Рабочий день Дмитрия Ивановича подошел к концу. Он собрал бумаги, лежащие на столе в портфель, все остальное расставил по местам и приготовился ждать прихода своего коллеги. Тот, как обычно, опоздал на пятнадцать минут и был слегка пьян. Дмитрий Иванович пожелал ему удачи и удрученно пошел домой. Зайдя в квартиру, он разулся, присел на табурет и застыл, погруженный в свои мысли. Так он сидел ровно до того момента, когда к нему подошла Лайма и уткнула свой черный нос в его колени. Он перевел свой невидящий взор на собаку и вновь застыл. Это был их ежевечерний ритуал, повторявшийся со дня смерти мамы. Потом человек поднялся и прошел на кухню, где, сварив себе кофе и дав консервов собаке, включил телевизор.

В девять вечера автомобиль Алекса, въехал в ворота милого особняка, располагавшегося за городом, который был выбран местом действия сегодняшней вечеринки. Алекс быстро вбежал по лестнице и встретил друга, обменявшись с ним рукопожатиями, он поднялся на третий этаж, где находилось то, за чем собственно Алекс и приехал. А именно библиотека, с редкими изданиями, которую собирал отец Кира (друга Алекса). Кир мало интересовался книгами и прочей лабудой, как сам любил говорить. Ему намного веселее и интереснее было в компании девушек, модельной внешности и с таким же, как у моделей, размером мозга. Но Алекс приехал сюда, чтобы встретиться с немецкой философией в оригинале, а не потусить. Кир об этом знал,

но было решено еще давным давно поддерживать репутацию взбалмошного идиота, занятого только развлечениями, которую Алекс создавал годы, чтобы позлить отца.

В девять вечера Дмитрий Иванович выключил телевизор и погасил свет. Для всего мира он отошел ко сну. Но на самом деле он прошеествовал в комнату матери, задернул плотные шторы, сдвинул книжный шкаф к окну так, чтобы с улицы не было, что у него включен свет. По ночам он занимался святотатством, потому что включал ноутбук, выходил в интернет и слушал лекции ведущих физиков мира, как на русском, так и на английском. Физика была всегда его страстью, но реализовать себя в ней не получилось, поэтому оставалось лишь быть в курсе последних достижений любимой науки.

Гости начали приходить, включилась музыка. Это означало, что книги нужно брать и уходить на крышу. Майская ночь была чудесной и удивительно свежей. Самое время, чтобы заниматься Марксом и Ницше. Внезапно Алекс услышал чьи-то шаги. Легкое шуршание и удивленный вскрик «Ой!». Алекс раздраженно повернулся к тому, кто издавал звук, в надежде заставить его уйти и самому погрузиться в книги. Это оказалась девушка. Не модель. Маленькая. С пухлыми щеками и серьезными глазами. Она, сделав невозможное выражение лица, подошла к краю, где сидел Алекс, и с самым независимым видом уселась там. Девушка подняла глаза к небу и посмотрела на звезды. Так они и сидели. Она, погруженная в мир звезд, что всегда давали людям вдохновение и надежду. И он, погруженный в мир книг, надеявшийся найти вдохновение в нем, в то время как был близок к источнику истинного вдохновения и так же далек от него.

Эта девушка — я. Я жила в маленьком провинциальном городке в соседней от Дмитрия Ивановича квартире. Я дружила с его собакой Лаймой, и мы вместе разговаривали о её хозяине. Это я любила танцы, а потом училась чувствовать жизнь заново. Это меня встретил человек в автобусе, и я плакала от того, что в тот день окончательно смогла вернуть себе чувства и не знала как теперь жить и какая же цель должна быть теперь в моей жизни. Старая профессор, что бьет ногами лед в парке — мой преподаватель физики в университете в Москве, и она по-настоящему чудесный учитель, которого все мы очень любим. А Алекса я встретила вчера ночью. Мы с ним поговорили о многом. Он несчастный человек, который был обижен родителями всю свою жизнь. Он прекрасно понимает, что бороться с этим нужно, но не знает как.

Я решила попробовать воссоздать свою нить жизни, но она будет состоять из людей, встреча с которыми не то, чтобы случайна, но на их месте могли бы быть и другие.

Р. С. Я писала эти короткие зарисовки жизни, чтобы понять, что значит для меня душевная красота. Это сугубо личный взгляд на эти понятия. Мне хотелось понять, что кроме обычных благородства, доброты и сострадания должно быть в человеке, чтобы я смогла заинтересоваться им и сказать, что для меня он внутренне красив. Начнем с умения ценить красоту и настоящее искусство и находить их в повседневности. Потом будут идти рыцарские устремления и пронизательность. Дальше ворчливость, капля цинизма пополам со здоровым смыслом, мудрость вкупе с ребячливостью. Но куда же без грусти и одиночества, преданности любимому делу и желанием быть в курсе всего связанного с ним, не имея надежды, когда ли полно его познать. А также бесконечная, затмевающая все любовь к книгам и звездам — самым преданным источникам вдохновения и всего, что есть в людях наилучшего.

Оглавление

I	Рассказы	1
	И. А. Бунин	2
	Чистый четверг	5
	Голос Родины	8
	Труд	13
	***	20
	Жук	22
	Парк	25
	Гроза	27
	НИ-17	31
	Идеальная девушка	43
	Сон	46
	When you fall in love...	48
	***	51
	О снеге в Курске <i>и тех мыслях, которые он рождает</i>	54
	Вовремя	56
	Love story	59
II	Зарисовки из жизни	61